

УДК 930(47+57)КРЫМ(092)

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИОГРАФИИ
ИСТОРИИ КРЫМА: ЭТНОГРАФЫ И ЭКСПЕДИЦИИ
(XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

Непомнящий А. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dr.aan@mail.ru*

Статья продолжает очерк, опубликованный во 2 номере журнала за этот год. Вопросы этнографического изучения народов Крымского полуострова на протяжении XIX – первой трети XX столетия активно разрабатывались исследователями, которые как самостоятельно, так и, действуя по программам, очерченным различными учеными учреждениями, занимались сбором и анализом различной этнографической информации. На первом этапе этнографы-собиратели (В. Х. Кондараки, Н. А. Маркс и др.) проделали большую работу по сбору устного народного творчества, записей традиций и бытовых зарисовок различных крымских народов. Значительна роль в этнографических разработках русского музея императора Александра III и Лазаревского института восточных языков. Итогом стараний крымоведов различного ученого уровня в досоветский период стала подготовка не только обобщающих популярных этнографических обзоров народов полуострова, но и отдельные наработки по доскональному изучению фольклора, фонетики, особенностей говора, одежды, жилища. Производилась и значительная фотофиксация антропологических особенностей людей различных народностей, одежды, бытовых предметов, жилища. Были собраны и экспонировались в центральных музеях содержательные этнографические коллекции о крымских татарах, караимах, цыганах. Только часть этого богатого наследия, отложившегося сегодня в фондах музеев и личных архивах ученых, введена в научный оборот и используется.

Ключевые слова: историография, крымоведение, этнография, П. Н. Бекетов, В. А. Гордлевский, Н. С. Державин, В. Х. Кондараки, А. Ф. Музыченко, А. А. Олесницкий.

Исследования в области исторического крымоведения постоянно привлекали внимание как профессиональных ученых, так и дилетантов-любителей, которые нахватываясь общей справочной информации, считали себя специалистами в той или иной сфере изучения интереснейшего во всех планах полуострова [1; 2]. Особенно ярко эта тенденция, сохранившаяся до настоящего времени [3; 4], проявилась в области изучения народоведческих аспектов изучения региона.

Становление крымской этнографии как научной дисциплины проходило постепенно и исходит к первым экспедициям, организованным Петербургской академией наук на рубеже XVIII – XIX века. Отдельный этап накопления материала составила многолетняя работа российских и иностранных вояжеров, которые ехали на полуостров за новыми впечатлениям, восточным колоритом, памятниками старины. Их записки, изданные в виде воспоминаний, дневников, отчетов, писем послужили подспорьем для формирования в империи картины разнообразной этнографической палитры полуострова. Как и в любом ином российском регионе, в

Крыму возникла потребность создания оригинальных комплексных этнографических описаний. Однако в полном объеме такая задача создания популярных этнографических описаний народов полуострова была реализована только к 70-м годам XIX столетия.

Среди ряда подвижников, занимавшихся изучением крымской этнографии, выделяется многогранная деятельность Василия Христофоровича Кондараки (1834–1886), стоявшего у истоков этих разработок. Увлечение этнографией Тавриды, возникшее у краеведа под влиянием общего подъема интереса к народной жизни в стране в 60–70-е года XIX века, было подкреплено живыми личными впечатлениями. Поездки по Крыму показали исследователю, что крымская земля изобилует легендами и что среди населения края живет и продолжает развиваться богатейшая песенная и сказочная традиция. В. Х. Кондараки понимал фольклор не как пережиток старины или застывшую и воспроизводимую механически традицию прошлого, а как живое индивидуальное творчество, развивающееся в рамках народного коллектива. Именно взгляд на местный фольклор как на живое явление современной народной жизни и явился причиной столь страстного изучения им устного творчества народов Крыма. Благодаря В. Х. Кондараки мы имеем солидные этнографические описания Крыма 60–70-х годов XIX века. По содержанию многочисленных статей В. Х. Кондараки в периодике мы можем проследить, как шел процесс накопления этнографического материала, на что обращал внимание исследователь, что его интересовало более всего.

Этнограф-собираатель родился 25 января 1834 года в Симферополе. Происходил он «из обер-офицерских детей» [5]. После окончания курса обучения в частном пансионе педагога Бюргера юноша учился в Феодосийском уездном училище, которое окончил в 1852 году. Как отмечал сам краевед, большое влияние на его духовное совершенствование оказал П. П. Книжников, работавший в Симферополе губернским землемером. Общение с этим человеком, его друзьями и учениками сыграло решающую роль в интеллектуальном развитии будущего историка, подтолкнуло его к литературной работе.

Чиновничья деятельность В. Х. Кондараки началась в 18 лет. 14 апреля 1852 года он поступил на службу в канцелярию Таврического губернского прокурора. За короткое время молодой чиновник по разным причинам неоднократно менял места службы. 13 января 1854 года – увольняется по собственному прошению, с 5 апреля 1855-го – определен в Таврическую казенную палату канцелярским служителем. Уже 4 мая этого же года – назначен помощником столоначальника палаты по земскому столу. 14 декабря 1855 года, по прошению, он уволен из казенной палаты и 31 декабря 1855 года принят в число канцелярских служащих Начальника Таврической губернии [6]. С 12 мая 1856 года В. Х. Кондараки был откомандирован в Феодосийское центральное карантинное управление для работы в должности переводчика. В этом ведомстве он проработал до ухода в отставку [7].

Именно в 1855–1857 годы началась краеведческая деятельность В. Х. Кондараки – тогда появляются его первые этнографические описательные заметки в газетах. Как указывал биограф крымоведа В. Г. Курдиновский, «Первая статья его напечатана 19 марта 1856 года в «Одесском вестнике». Однако

«Одесский вестник» 19 марта этого года не выходил. Как нам представляется, исследователь стал помещать статьи в газетах ранее 1857 года. Этот вывод подтверждает и письмо, отправленное В. Х. Кондараки 20 сентября 1857 года в газету «Сын Отечества» из Феодосии, где идет речь об уже опубликованных им материалах. Интересна пометка карандашом, сделанная на письме, очевидно, для редактора кем-то из его помощников. В. Х. Кондараки уже в то время характеризуется как «знаменитый описатель всего относящегося до Крыма» [8].

В эти годы свои заметки Василий Христофорович посылал в центральные газеты. Так, одной из его первых известных публикаций стала «Внутренняя корреспонденция», помещенная в 1857 году в «Санкт-Петербургских ведомостях», где описывался быт крымских татар. Статья носила ярко выраженный шовинистский характер – высказывались упреки татарскому населению Крыма за якобы присущую ему «леность», которую автор призывал изгонять чуть ли не палочными ударами [9]. Столь явный выпад против крымских татар, да еще помещенный в центральной прессе, не остался без ответа. 23 октября 1857 года другая столичная газета «Северная пчела» поместила отзыв на данную статью В. Х. Кондараки. Началась дискуссия, а оппонент Кондараки – С. Крымтаев заметил: «Вероятно, некоторые из татар, между которыми пришлось проживать автору, заметив любопытство его, и желая подшутить, начали рассказывать ему разные басни (точить масал по обычаю татарскому), а он, приняв подобные рассказы за чистую монету, поверил всему от чистого сердца, и потому решился не только писать, но даже предавать печати такие небылицы» [10].

В 1858 году, являясь сотрудником Феодосийского карантина, В. Х. Кондараки был откомандирован в Ялту «для выполнения обязанностей комиссара Ялтинской карантинной заставы с 7 мая 1858 года» [11]. С этого времени краевед постоянно жил в Ялте. 24 мая этого же года В. Х. Кондараки одновременно был назначен временно исполняющим обязанности переводчика Евпаторийского карантина, но его работа там носила фрагментарный характер. Дом В. Х. Кондараки в Ялте не раз становился пристанищем для московских и петербургских исследователей, приезжавших на месте изучать крымские древности.

В 1858 году В. Х. Кондараки поместил в «Одесском вестнике» статью «Обычай крымских татар» и работал над серией заметок «Очерки Крыма», которые начинал публиковать в 1861 году. Очевидно, организационные трудности мешали автору напечатать ряд очерков, и он имел возможность опубликовать в газете лишь один, где описывал такую категорию татарского населения, как шейхи – служители мусульманских мечетей. Статья интересна с точки зрения изучения религиозных культов татар. Автор поместил в ней описание таинства исцеления. В 1865 году «Николаевский вестник» напечатал не только его заметку «Ислам и мечети у крымских татар», но и легенды, собранные этнографом. Исследователь опубликовал также и народные сказания: «Золотая руда в Крыму», татарские легенды «О Черном море» и «Вай-анам-Хаясы». Продолжая этнографическую тему, В. Х. Кондараки посылал заметки и в Керчь, где вышли в свет статьи, посвященные свадебным и погребальным ритуалам у крымских татар [12]. Автор, как следует из его слов, сам принимал участие в данных обрядах, по воле случая, оказавшись свидетелем

событий. Тем ценнее для нас эти этнографические записки. В публикациях наглядно прослеживается изменение стиля повествования В. Х. Кондараки. Мы не встретим уже каких-либо упреков в адрес крымских татар. Более глубокое знакомство с их бытом, культурой поменяло отношение исследователя к этому народу. В 1866 году краевед опубликовал в «Николаевском вестнике» статью «Титулы и другие наследственные имена у крымских татар», а в 1867-м там же поместил целую серию заметок «Очерки Крыма», издание которой ранее, видимо, не удалось ему в «Одесском вестнике». С этнографической точки зрения интерес представляют четыре из них: «Магия у крымских татар», «Приморские татары Южного берега Крыма», «Одежда татарки», «Развлечения татар». На примере этих статей обнаруживается широкий диапазон этнографических интересов автора.

Во второй половине 60-х годов XIX века В. Х. Кондараки продолжал сотрудничать в «Одесском вестнике», «Николаевском вестнике» и «Полицейском листке Керчь-Еникальского градоначальства», помещая в них статьи описательно-географического плана [13]. Несмотря на то, что в этих корреспонденциях преобладают описания, их роль для развития крымоведческих исследований нельзя преуменьшать. Очерки знакомили читателей с различной историко-этнографической информацией, популяризовали крымские древности.

В 1869 году В. Х. Кондараки вновь опубликовал легенды крымских татар «Митридатова гора» и «Овраг окаменелых овец», а также статьи об их религиозных обычаях и о правах владения недвижимостью. В 1870 году этнограф знакомит читателей с еще одной татарской легендой – «Проклятые». Спустя семь лет серию легенд, собранных В. Х. Кондараки, поместила «Северная звезда». О том, как и с какой целью шел сбор материала, В. Х. Кондараки повествует в книге «Исторические картины Тавриды» десятитомника «В память столетия Крыма»: «в течение всей почти жизни в Крыму тщательно записывал все полумифические предания, легенды, сказки, относящиеся к этой стране сначала из любопытства, а потом с целью извлечь из них дополнения и разъяснения исторических событий». Работа в должности комиссара Ялтинской карантинной заставы, хотя и не была без хлопот, но не требовала от В. Х. Кондараки постоянного присутствия на месте службы. Он имел возможность много путешествовать по Крыму, часто общался с местным населением благодаря знанию диалектов татарского языка. Исследователь зачастую оставался на ночлег в глухих деревеньках и с удовольствием слушал легенды, песни, загадки, поговорки, анекдоты. Характерно, что этнограф обладал способностью расположить рассказчика к беседе. В. Х. Кондараки писал, что сбор этнографического материала, в частности фольклора, – это дар, который дается не каждому, т.к. этнографу необходимо овладеть «особенностями народных легенд, познание которых доступно только лицам, практически знакомым с местными наречиями и искусством выманить их у восточных народов».

В связи с принятием нового карантинного устава ликвидировалось комиссарство при Ялтинской карантинной заставе, и В. Х. Кондараки «остался за штатом с 1 января 1867 года» – вышел в отставку. В этом же году 30 мая 1867 года В. Х. Кондараки указом Сената № 103 произведен за выслугу лет в титулярные советники со старшинством с 23 июля 1866 года [14]. Приняв решение не искать

новой должности, В. Х. Кондараки все свободное время отдавал изучению Тавриды и публикации материалов о ней.

Итогом досконального изучения края, наиболее популярных у посетителей мест полуострова, явился изданный В. Х. Кондараки в 1867 году в Николаеве путеводитель по Крыму «Подробное описание Южного берега Крыма». Книга имела большой успех. Об этом свидетельствует и факт того, что 9 июля 1867 года «за написание книги о Южном берегу Крыма» В. Х. Кондараки получил в награду от императрицы очередной бриллиантовый перстень. Это был уже третий наградной перстень краеведа от царской семьи, что наглядно демонстрировало признание его заслуг в бурно развивавшемся в это время крымском краеведении. В этом же году «Николаевский вестник» напечатал первый цикл статей краеведа «Очерки Крыма».

Краеведческие изыскания сопровождались у В. Х. Кондараки постоянным общением с местными жителями – крымскими татарами и крымскими греками. Исследователь в совершенстве знал крымскотатарский язык. Стремясь предупредить языковые трудности, которые могли бы возникнуть между все возрастающим количественно русскоязычным населением в Крыму и многочисленными народностями, ранее здесь проживавшими, В. Х. Кондараки в 1868 году выпустил «Самоучитель турко-татарского и новогреческого языков», который затем выдержал и другие издания. Автор самоучителя считал обязательным для любого исследователя Крыма знать наречия местного населения и всегда гордился тем, что он владел местными диалектами в совершенстве. Значение составленного В. Х. Кондараки пособия было подчеркнуто изъяснением ему благодарности за данное издание от российского императора [15]. В «Самоучитель...» автор поместил отдельные часто употребляемые крымскотатарские слова, названия предметов обихода, представил начальные сведения о различных частях речи, а также привел 43 примера диалогов. Следует учесть, что В. Х. Кондараки специально упростил работу со своим пособием. Транскрипция, вероятно, умышленно была дана буквами русского алфавита с учетом того, что пользоваться им будет в основном русскоязычное население. Критическая оценка А. Е. Крымского – не единственный отклик на данную работу краеведа. Положительный отзыв о «Самоучителе...» помещен во введении к «Крымскотатарско-русскому словарю», изданному в 1988 году. Составители пишут: «В середине XIX в. начинается новый период в изучении лексики крымскотатарского языка. В эти годы создаются словари высокого научного уровня. <...> В изданном В. Х. Кондараки в 1868 году в Николаеве «Самоучителе турецко-татарского и новогреческого языков», помещен словарик, включающий 1000 слов диалекта среднего Крыма» [16].

С 1869 года В. Х. Кондараки расширил географию публикаций. Его статьи печатаются в «Новороссийских ведомостях», а с 1870 года – в «Записках императорского Общества сельского хозяйства Южной России». В. Х. Кондараки был действительным членом этой авторитетной общественной организации. Из устава Общества сельского хозяйства Южного края России явствует, что в

действительные члены этой организации, кроме помещиков, принимали и людей, «известных своими знаниями и опытностью в сельском хозяйстве» [17; 18].

Наравне с этим Василий Христофорович принимал активное участие в работе наиболее крупной и авторитетной общественной научной организации юга России – Одесского общества истории и древностей. Свидетельством признания его заслуг в сфере истории и археологии явилось принятие его в состав корреспондентов этого научного союза. В протоколе 141 заседания ООИД зафиксировано, что действительные члены Ф. К. Брун, В. Н. Юргевич, Ф. А. Струве предложили к избранию в корреспонденты В. Х. Кондараки, «могущего быть полезным обществу содействием» [19]. 27 декабря 1868 года состоялось 142 заседание ООИД, где Василий Христофорович был «баллотирован и избран единогласно» [20] корреспондентом: «Общество, приняв во внимание Ваши изыскания, касающиеся классического Южного берега Крыма, принимает Вас в свои корреспонденты» [21]. В 1876 году, В. Х. Кондараки был переведен в действительные члены Одесского общества истории и древностей [22]. Принятие Василия Христофоровича в число этой известной крымоведческой организации свидетельствует о признании вклада краеведа в развитие крымоведения среди современников.

В первой половине 70-х годов XIX века фамилия краеведа не так часто встречается на страницах периодики. Исследователь занимался подготовкой к изданию многотомного «Универсального описания Крыма», сталкиваясь при этом с массой организационных и финансовых трудностей. На обобщающее энциклопедическое издание о Крыме существовал заказ – правительство было заинтересовано в выпуске сочинения энциклопедического характера, затрагивающего различные стороны жизни Крыма. Издание «Универсального описания Крыма» было предпринято по воле императора Александра II, от которого краевед должен был получить обещанные ему на создание этого труда 6 тысяч рублей. Однако из письма В. Х. Кондараки секретарю Русского географического общества Владимиру Измайловичу Срезневскому от 10 февраля 1881 года стало известным, что в Ливадии автор получил лишь «часть обещанной субсидии с тем, что остальную выдадут в Петербурге». Но в столице денег ему так и не вручили. «Заболев и задолжавшись, – с горечью пишет В. Х. Кондараки, – мне с трудом удалось кое-как напечатать первые 17 частей и, бросив их в типографии, выехал домой чуть живым» [23]. Чтобы рассчитаться с долгами, исследователь даже пытался продать картины из личной коллекции и вновь устроиться на службу [24].

Несмотря на то, что в рукописи остались многие материалы, которые также предполагалось опубликовать, изданные четыре тома (17 частей) «Универсального описания Крыма» вызвали живой отклик среди современников. Уже сама подготовка этого труда к изданию освещалась в прессе. Так, газета «Новороссийские ведомости» еще в 1870 году начала печатать отрывки из этой работы и поместила редакционную заметку о ней. Там говорилось, что сочинение В. Х. Кондараки для того времени будет единственным в плане широты охвата материала. До этого же, как указывалось в заметке, «всестороннего сочинения, в котором было бы описание прошлого и настоящего состояния Крыма», еще не было [25].

Первая часть «Универсального описания Крыма» была опубликована в Николаеве в 1873 году отдельным томом. Очевидно, финансовые трудности не позволили краеведу продолжить выпуск в этой же типографии остальных частей. В 1875 году он возобновил издание в Петербурге, где и вышли четыре тома, включавшие семнадцать частей. (Первый том включал в себя изданную ранее первую часть и «Самоучитель туземных наречий Крыма»).

Уже вышедшая в Николаеве первая часть привлекла внимание критиков. Не замедлила появиться и рецензия, где известный библиограф Николай Николаевич Вакуловский вместе с положительной оценкой самой задумки краеведа о написании всеохватывающего сочинения о Крыме указывал на отсутствие ссылок на источники, необходимость давать конкретные названия для каждой части [26]. В связи с тем, что рецензент к тому времени не изучил всех частей «Универсального описания», а первая часть имеет свою специфику (по существу, это введение, нечто вроде путеводителя по Крыму), не со всем в статье Н. Н. Вакуловского можно согласиться. После обстоятельного знакомства с опубликованными частями Н. Н. Вакуловский поместил вторую рецензию в прессе. Она была напечатана без подписи. Атрибуция ее стала возможной благодаря изучению сохранившейся переписки В. Х. Кондараки с Н. Н. Вакуловским [27]. В статье подчеркивается всесторонность подхода к различным вопросам, касающимся Крымского полуострова: истории, этнографии, географии, ботаники, зоологии и его нынешнего состояния. Важно выделить следующие слова критика: «Подобного труда в литературе нашей не было, а между тем на него заявлялись требования. Литература о Крыме довольно обширна; но популярного, полного описания, доступного по стоимости и для людей небогатых, не было. Сочинение г. Кондараки и составлено в видах восполнить этот пробел». Вместе с этим критик заметил, что специалист к этому изданию «прибегать не может, так как ни одна сторона описания не может быть признана достаточно полной и точной» [28].

В «Универсальном описании Крыма» автор нарисовал картину движения народов в Крыму во II – I тысячелетия до н.э.: господство тут киммерийцев, скифов, тавров. Он охарактеризовал быт, верования, существующие политические институты этих народов. В целом историк представил достаточно полные сведения, однако, с позиций нынешних разработок, сказанного В. Х. Кондараки явно недостаточно. При описании тех же скифов историк не уделяет внимания такой важной стороне их жизни, как военное дело, а упоминая вооружение, говорит только о наконечниках стрел. Скудость описания можно объяснить тем, что основные исследования по данному вопросу сделаны уже в середине XX века. Работая над очерками о древнем населении Крыма, В. Х. Кондараки основывался только на некритически воспринятых известиях античных писателей. Исследователь сделал особый акцент на периоде греческой колонизации. Он не указал каких-либо причин колонизаторского переселения греков, ошибочно утверждая, что греки «случайно» открыли Южный берег Крыма. Главную свою задачу историк видит в освещении политической истории образовавшихся государств, не уделяя внимания социально-экономическому аспекту. В. Х. Кондараки правильно определил время появления итальянцев в Крыму,

показал борьбу городов Венеции и Генуи за господство в этом районе, охарактеризовал политическую жизнь, управление генуэзских колоний, организацию торговли. Исследователь верно заметил, что генуэзцы, несомненно, способствовали экономическому укреплению крымских портов, как связующих звеньев между странами Востока и Запада. Вместе с этим он отметил и негативную роль генуэзцев для Крыма – установление экономического гнета над местным населением. Историк правильно обозначил момент начала «турецкого господства» в Крыму. Он задается вопросом, как же возникло трехсотлетнее (1475–1775) турецкое владычество над Крымом, при каких обстоятельствах крымские ханы потеряли свою самостоятельность. В. Х. Кондараки показал, что борьба за власть, династические претензии в Крымском ханстве привели к необходимости обратиться к турецкому султану за помощью против генуэзцев, обещав при этом ему свое подданство. Автор рассказал о попытках избавиться от владычества турок, но вместе с тем, как «беспристрастный историк», он назвал и положительные аспекты протектората Турции для развития Крыма. Краевед составил краткую «Историю крымских ханов», взяв за основу турецкую рукопись, принадлежащую крымскому мурзе Аргинскому, напечатанную в «Записках Одесского общества истории и древностей», где в общих чертах описывалась деятельность некоторых ханов. В дальнейшем он поместил собственный очерк «Крымские ханы», подробно остановившись на деятельности Шагин-Гирея, которому посвящен специальный раздел. Правильно определяя социально-классовую структуру Крымского ханства, автор иногда все-таки подменял определенные сословия мелкими группами. Так, он выделил чиновный мир в особую прослойку, что вполне допустимо. Но вслед за этим в такие же прослойки он вывел кадиев (уездных судей), мудерисов (наставников в семинариях), кадиэскеров (военных, мировых судей). Это дробление не совсем оправдано, что подтверждается и в более поздних исследованиях по данному вопросу.

В начале 80-х, живя на небольшие доходы с имения, В. Х. Кондараки занимался доработкой и подготовкой к печати многотомного собрания сочинений, посвященного вековому юбилею присоединения Крыма к России. Для его издания он вновь выхлопотал денежное пособие из сумм «Кабинета его Императорского Величества» в количестве 10 тысяч рублей. Уведомление об этом было послано В. Х. Кондараки из канцелярии Министерства императорского двора 18 августа 1882 года. Оно гласило: «Господину титулярному советнику Кондараки. Государь император по всеподданнейшему докладу ходатайства Вашего о пожаловании Вам денежного пособия на издание в полном составе начатого Вами по воле императора Александра II сочинения «Универсального описания Крыма», Высочайше повелевать соизволит: выделить Вам на этот предмет десять тысяч рублей» [29].

В 1883 году вышло в свет собрание сочинений краеведа в 10 томах, включавших разноплановые работы разных лет о Тавриде. Исследователь давно вынашивал идею переиздать вышедшие ранее тома «Универсального описания Крыма», дополнив их материалами, которые не имел возможности опубликовать в 1875 году. Десятитомник, напечатанный в год юбилея присоединения полуострова к России, получил название «В память столетия Крыма». В предисловии к этому

изданию автор писал: «Мы не сомневаемся, что гениальные уроженцы Крыма Айвазовский и Куинджи ознаменуют этот отрадный день каким-нибудь произведением своей блистательной кисти, что земство наше в свою очередь принесет приличную памяти жертву. <...> Я скромно приношу на алтарь моего Отечества 10 томов, написанных в течение многих лет о прекрасной Тавриде» [30].

Издание представляет собой разностороннее описание полуострова. В него вошли географический обзор, двухтомное описание этнографии полуострова, исторические очерки, художественные произведения, а также собранный краеведом фольклор крымских греков и крымских татар. Ценность данного собрания сочинений, не утраченная по сегодняшний день, состоит в том, что это богатый источник по этнографии Тавриды. Для историографии крымоведения XIX века данный многотомник, бесспорно, стал выдающимся событием.

Краевед жаждал продолжения исследований. Интересную информацию об этом дает нам письмо В. Х. Кондараки к директору Императорской Публичной библиотеки Афанасию Федоровичу Бычкову (1818–1899), датированное 8 июня 1883 года. Василий Христофорович сообщал, что «сочинение это начато мною с 1862 года по воле покойного императора». Можно только преклоняться перед подвижничеством краеведа, который и после выпуска «В память столетия Крыма» не собирался прекращать изыскания: «В то время, когда я исчерпал все источники и приступил к изданию его, передо мною внезапно открылся целый архив крымских дел в Москве, никем еще не тронутый. <...> Это такой клад для меня <...>, что я решил посвятить ему все силы. <...> Я позволил себе обратиться [к Вам (А. Н.)] во имя науки посоддействовать мне несколькими добрыми словами <...> о предоставлении мне в Москве какой-либо должности для достижения общепольной цели. Мне не нужны никакие громкие должности, а только источник существования, т.к. настоящий мой труд, розданный всем, начиная от Государя до последней военной библиотеки Империи, лишил меня возможности жить отдельными расходами от семейства» [31]. К сожалению, жизненные планы увели краеведа от мысли о работе с архивными материалами в Москве.

В Москве крымский этнограф выпустил в 1883 году отдельными книгами сборники «Легенды Крыма», «Крымско-татарские сказки», «Греческие сказки». Поистине этот год стал апогеем творческой деятельности В. Х. Кондараки. Свидетельством признания его научных заслуг явился перевод Кондараки 30 ноября 1883 года в число членов сотрудников Русского географического общества из действительных членов, кем он состоял ранее. К сожалению, списки членов-сотрудников Русского географического общества не проверялись и перепечатывались в неизменном виде ежегодно до конца 1913 года. После смерти В. Х. Кондараки его имя фигурировало на страницах «Состава императорского Русского географического общества», как и при жизни. Знаменателен и факт принятия В. Х. Кондараки в действительные члены Московского общества древнерусского искусства. Эта общественная организация была основана в 1864 году. Она состояла «из любителей и последователей русской археологии, имела целью научную разработку и сосредоточение при Московском музее по мере возможности памятников древнерусского искусства» [32]. Принятие в эту

организацию – свидетельство признания заслуг в области изучения истории. Краевед поддерживал связи и с Московским обществом истории и древностей, в библиотеке которого сохранились книги исследователя Тавриды с его дарственными надписями.

Изданные В. Х. Кондараки труды о Крыме вызвали интерес не только в России, но и за ее пределами. В 1883 году за вклад, внесенный исследователем в изучение Крыма, он был награжден болгарской медалью «За науку и искусство» II степени. В приложенном «патенте» говорилось: «Ний Александр I по милости божия и волята народна князь на България като благоволиме да наградим Руския Титулярный Советник Василий Христофорович Кондараки с среборна медаль «За науку и искусство». Заповедания даму ее даде настоящий патент» [33]. Такую награду получали лица, отличившиеся в искусстве, науке, промышленности и хозяйственной деятельности. Учрежден этот наградной знак 24 марта 1883 года [34]. Очевидно, В. Х. Кондараки был одним из первых, удостоенных им.

В 1885 году в Москве вышел составленный В. Х. Кондараки «Новый, обстоятельный путеводитель по Крыму» [35], получивший положительные оценки в отзывах периодической печати [36].

Как видно, в основу этнографической деятельности В. Х. Кондараки положил широкую собирательскую работу. Прекрасно понимая возможность исчезновения, изменения части этнографического материала с течением времени, исследователь придавал особое значение его фиксации. Затрагивая в своих этнографических зарисовках как историю, так и описания всех проживающих в Крыму народов, В. Х. Кондараки, между тем, наибольшее внимание уделил самому многочисленному из них – крымским татарам. Тринадцатую часть «Универсального описания Крыма» краевед посвятил публикации собранных им песен, гимнов, пословиц, загадок, сказок, анекдотов, различных убеждений, наиболее распространенных фраз крымских татар, «чтобы самым подробнейшим образом познакомить с ними любителя этнографии».

В предисловии к разделу «Песни татар» этнограф писал: «Песни их составлены в рифму и очень разумно, но в буквальном переводе совершенно утрачивают свое достоинство. Во избежание последнего мы употребляли все усилия сохранить <...> их оригинальный смысл. Труд, конечно, доступный только людям, отлично знакомым со всеми оборотами и деталями их языка». В песенном творчестве татар В. Х. Кондараки выделил разновидности: песни, чины и гимны. Сорок песен, помещенных в тринадцатой части «Универсального описания Крыма», затрагивают разные моменты в жизни людей. Это, прежде всего, вечные темы любви, добра и зла, бытовой жизни. Большой интерес представляют песни, написанные на темы Крымской войны и эмиграции татар в Турцию. Кроме того, собиратель поместил и песенный вариант известной сказки «Кор-оглу». Большинство песен, как указывал автор, поются в Крыму давно, и авторы их почти неизвестны, хотя в некоторых случаях В. Х. Кондараки называет и поэтов: Гази-Гирея и Муртазу из Алушты. Кроме песен у степных татар, как сообщил этнограф, существуют и так называемые чины-импровизации. Чины создавались, как правило, экспромтом молодыми людьми в ходе беседы. По существу, это меткие остроумные ответы на навязчивое

поведение и грубое обращение к собеседнику. В. Х. Кондараки отметил, что, «к сожалению, они не записываются и предаются забвению. Я только раз успел записать наскоро два, три чина на одном девичьем вечере». Автор поместил эти три чина в «Универсальном описании Крыма», и они действительно поражают нас остротой юмора и оригинальностью стиля. Фольклорист отдельно выделил духовные песни татар, или гимны. «Они позволяют нам узнать и понять мировоззрение татарина, – пишет В. Х. Кондараки, – его взгляды на свое место среди окружающих его явлений». Тексты песен автор сопроводил примечаниями. Однако в них мы не найдем элементов анализа. Краевед использовал примечания только лишь для разъяснения содержания. Отдельные разделы в данном фольклорном сборнике В. Х. Кондараки посвятил пословицам и загадкам крымских татар, которые он собирал на протяжении многих лет. Читая их, мы знакомимся с глубоким и тонким юмором, присущим крымскотатарскому народу.

Исследователь всегда уделял большое внимание и проблеме сказки. Интересно, что он не только поместил в фольклорную часть «Универсального описания Крыма» текст сказок, но и передал нам саму процедуру пересказа, существовавшую у крымских татар в то время. По словам В. Х. Кондараки, перед подачей сказки слушателям следовал пролог, продолжающийся несколько минут, который имел целью рассмешить публику несообразностью подведенных событий. Заметим, что в крымской этнографии В. Х. Кондараки был «первым, кто попытался подойти более или менее систематически к собиранию сказочных текстов» [37]. Последователи не всегда соглашались с интерпретациями собранных текстов, предложенных Кондараки. так, отмечая выдающуюся роль «Универсального описания Крыма» для развития крымоведения в целом, этнограф 30-х годов XX столетия Сергей Дмитриевич Коцюбинский вместе с тем утверждал, что в основу собирания сказок В. Х. Кондараки «кладет <...> критерий несостоятельности татарской культуры» [38]. В вину краеведу ставилось и то, что он размещал тексты «как образчик занимательных для европейцев сказок «инородцев». Безусловно, у В. Х. Кондараки было желание увлекательно изложить материал, поместить сказки с динамичным сюжетом. Это вполне естественно для краеведа-популяризатора.

Интерес в тринадцатой части «Универсального описания Крыма» представляет раздел «Анекдоты». Наиболее известным героем анекдотов у крымских татар был Насреддин-Оджа, рассказы о похождениях которого и приводил этнограф. Анекдоты эти переходили, по свидетельству В. Х. Кондараки, из поколения в поколение и были частоупотребляемыми. Согласимся с мнением С. Д. Коцюбинского, что приводимые В. Х. Кондараки анекдоты «целиком носят на себе печать своеобразной «интерпретации», присущей краеведу» [39]. Однако весьма спорным видится нам утверждение С. Д. Коцюбинского о В. Х. Кондараки, как будто этот «чуждый нам» голос «апологета русских колонизаторов» служит делу обезоруживания Насреддина [40]. В. Х. Кондараки тщательно подбирал этнографические зарисовки и другие материалы, помещаемые в сборники. Преследовал он при этом одну цель – познакомить неискушенного в местной этнографии читателя с колоритным, разнообразным крымским фольклором. Кроме

одиннадцати анекдотов об Насреддин-Одже В. Х. Кондараки пересказал восемь историй об Ахмет-Ахае.

Интересным источником о жизни населения Крыма второй половины XIX века являются помещенные в специальном разделе «различные убеждения». Многие из них по своему уровню составляли мировоззренческую норму своего времени или выражали состояние общей культуры народа, далекое от желаемого. Но они не лишены и зоркой наблюдательности, юмора, мудрости. Хотя рядом соседствует и невежество, заблуждение, мистицизм. В. Х. Кондараки поместил также часто употребляемые «фразы, принятые татарами в разговорах», что также является подтверждением того, что краевед досконально знал местные диалекты и довольно часто общался с населением, «выуживая» у старожилов фольклорный материал.

Свидетельством знакомства В. Х. Кондараки с материальной культурой местного населения являются XI и XII частях «Универсального описания Крыма», где краевед продолжал публиковать этнографические материалы: описывал жилища, семейный быт, элементы одежды, праздники, духовные верования крымских татар. Типичной чертой трудов В. Х. Кондараки является комплексный подход к материалу. Он остановился на всех вопросах, касающихся татар, начиная с описания их физического сложения и внешности и до публикации памятников духовной культуры. А ведь это был итог долгой и кропотливой работы исследователя. Именно результатом такого скрупулезного труда и явилось издание им в Москве в 1884 году «Турко-татарского сонника», который и сегодня пользуется большой популярностью.

Написанные в научно-популярном стиле работы В. Х. Кондараки дают нам богатые сведения по этнографии Крыма во второй половине XIX века. Популяризаторская деятельность автора представляет большой интерес для современников, т.к. и в наши дни в штудиях этнографа можно найти большое количество немаловажных деталей о культуре и быте населения полуострова.

Сегодня мы можем говорить о весомой роли, внесенной В. Х. Кондараки в изучение этнографии народов Крыма, и прежде всего крымских татар. Не случайно небольшая справка об этнографе помещена в «Библиографическом словаре отечественных тюркологов». Сам факт упоминания фамилии краеведа в данном академическом издании – свидетельство признания его заслуг в тюркологии как «писателя, историка, этнографа, географа, краеведа Крыма» [41].

Василий Христофорович Кондараки внёс выдающийся для своей эпохи вклад в развитие исторического крымоведения. Одним из первых он попытался создать хронологически непрерывный научно-популярный очерк истории Крыма, переплетая исторические и этнографические сюжеты, а иногда и путая их. Останавливаясь на различных сюжетах прошлого, краевед наравне с этим предоставил на суд читателей как научно-популярные, так и художественные сочинения по отдельным аспектам истории края. Хотя сегодня дилетантские исторические очерки В. Х. Кондараки блекло смотрятся на фоне более поздних фундаментальных научных работ, для его современников, да и для последующих поколений, эти труды являлись настольной книгой по истории края. Они давали возможность познакомиться с историческим прошлым Крыма тысячам читателей.

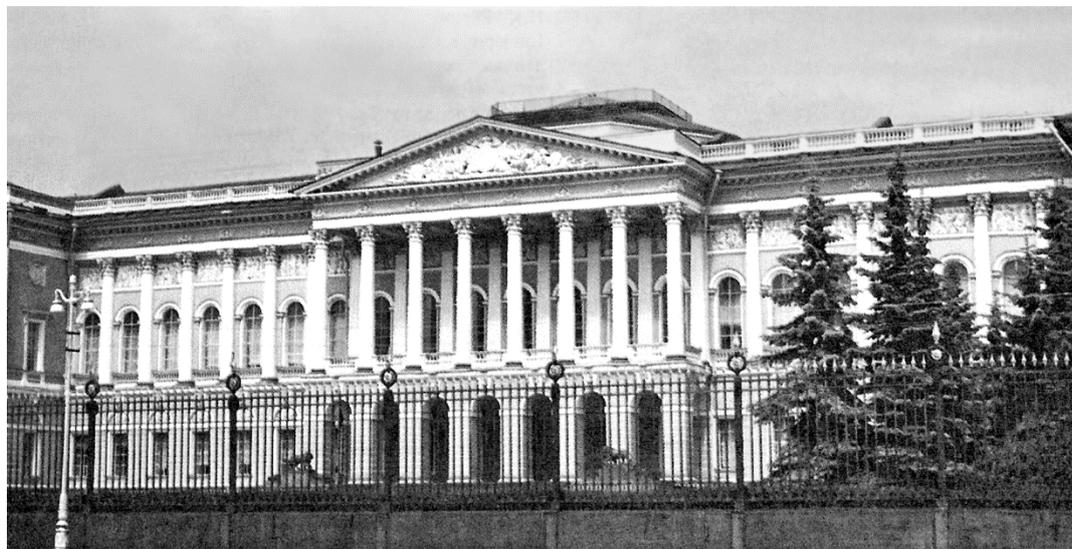
Интересен и избранный автором своеобразный жанр исторического повествования, сочетающий научно достоверную информацию с занимательными легендами, непроверенные свидетельства очевидцев с этнографическими зарисовками и авторскими отступлениями. Всё это, кажется, сознательно делалось В. Х. Кондараки для придания своим описаниям, не случайно названным «универсальными», как можно большей увлекательности, которую, как видно, высоко ценил, считал крайне необходимой и автор [42].

Для наших современников работы В. Х. Кондараки представляют интерес, прежде всего, как конкретное историографическое явление в общем потоке развивающегося исторического познания. Интересны работы В. Х. Кондараки и как этап в развитии крымского краеведения. Может, в меньшей степени они полезны меркантильному исследователю, который ищет возможность сослаться на достоверное свидетельство краеведа XIX века. Но даже и в этом смысле работы В. Х. Кондараки могут быть полезными этнографам. Наконец, это пример подвижничества интеллигента, увлечённого интересным делом.

Эпоха собирательства этнографических данных, ярким представителем которой был В. Х. Кондараки, к концу века переходила на новую ступень – музейного собирательства и научной популяризации крымской этнографии. В конце XIX – начале XX века ведущую роль в этом деле сыграл Русский музей императора Александра III, который был учрежден в Санкт-Петербурге указом Николая II 13 апреля 1895 года. Музею был предоставлен Михайловский дворец «со всеми прилегающими флигелями, службами и садом». Сразу же оформилось три отдела: памяти Александра III (рисунки, фотографии, печатные, рукописные и художественные материалы о жизни монарха), художественный и этнографический. С 1897 года появился четвертый – художественно-промышленный отдел. До 1917 года музей находился в ведении Министерства императорского двора. Однако руководящая роль этого министерства не распространялась далее финансирования. В административных и прочих вопросах руководство музея подчинялось Академии художеств. Музеем руководил управляющий (с 1897 по 1917 г. – великий князь Георгий Михайлович). Кроме того, существовала должность директор.

Достаточно полное представление о задачах Этнографического отдела музея дает составленная филологом-славистом, историком, профессором Санкт-Петербургского университета Владимиром Ивановичем Ламанским (1835–1914) «Записка с проектом организации и устройства Этнографического отдела Русского музея» (1898 г.) [43]. Главную свою задачу организаторы видели в том, чтобы «возможно полнее и вернее представить Россию в ее этнографическом разнообразии <...> не только показать Россию в ее племенном многообразии, но и в историческом единстве» [44] ее народов. Крыму планировалось посвятить отдельную экспозицию в шестом разделе «Юг и Юго-Восток страны». Для устроителей музея представляли интерес практически все стороны этнографии: карты, коллекции типических черепов доисторического населения края, коллекции орудий труда, манекены и фотографии представителей различных народов, проживавших здесь, старинные костюмы, макеты жилищ и хозяйственных

построек, обычное народное питание, домашняя птица, виды упряжи, закладки коней, мужской и женский труд, таблицы по статистике края [45].

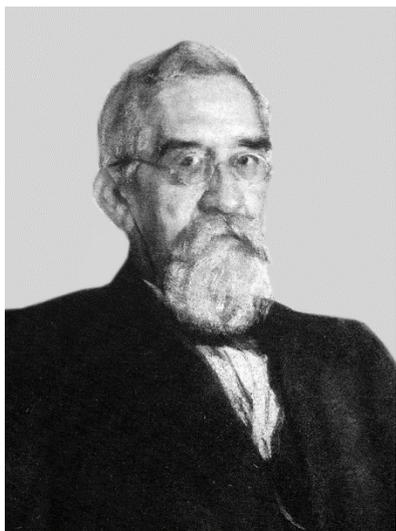
Русский музей императора Александра III.

Очерчивая грандиозную программу этнографического изучения бескрайних просторов империи, используя различные способы сбора обширных материалов, В. И. Ламанский понимал, что «не в один и не в два года может быть создан такой музей» [46]. Для эффективности работы он настаивал на активном сотрудничестве музея с местными статистическими комитетами, гимназиями (прежде всего с отдельными преподавателями – подвижниками краеведения, которые занимались этнографией края), членами губернских ученых архивных комиссий, старожилами – знатоками своего края [47].

Объявив научной общественности о начале организации Этнографического отдела, сотрудники справедливо считали, что «это предприятие может составить эпоху в истории русской этнографии» [48]. Первоначально в составе отдела предполагались два отделения: описательной этнографии и общего народоведения. Дискутируя о формах сбора материала, этнографы пришли к выводу, что «лучшим, можно сказать, единственным рациональным способом является способ экспедиционный. Посредством экспедиций материал будет собран быстрее и полнее будет соответствовать задачам музея» [49].

Сохранившиеся в фондах Научного архива Российского этнографического музея «Журналы заседаний Этнографического совета Русского музея императора Александра III» свидетельствуют о постоянном интересе музея к этнографии Крыма. При распределении районов страны между сотрудниками общая организация сбора материалов о Крыме и их систематизация были поручены одному из авторитетнейших сотрудников музея историку Востока Константину

Александровичу Иностранцеву (1876–1941) [50]. В отделе сотрудничали, в том числе помогали обрабатывать этнографические материалы из Крыма, старший этнограф Музея этнографии и антропологии Академии наук Дмитрий Александрович Клеменц, директор этого же музея Василий Васильевич Радлов (1837–1918), академик Никодим Павлович Кондаков (1844–1925), председатель этнографического отделения Русского географического общества академик Владимир Иванович Ламанский, председатель этого общества Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский (1827–1914), академик Алексей Александрович Шахматов (1864–1920), этнограф Алексей Николаевич Харузин (1864–1932) и другие [51].

Никодим Павлович Кондаков.

Для создания экспозиций Этнографическим отделом Русского музея имени Александра III был предпринят ряд крупномасштабных экспедиций в различные области империи, в том числе и в Крым. Одна из первых этнографических поездок на полуостров состоялась весной 1905 года. Руководил ею Константин Александрович Иностранцев. Будущий востоковед родился в Санкт-Петербурге в семье профессора столичного университета, видного ученого-геолога Александра Александровича Иностранцева (1843–1919). После окончания классической Лазаревской гимназии (1896 г.), факультета восточных языков столичного университета по арабско-персидско-турецко-татарском разряду (1899 г.) он был оставлен для подготовки к профессорскому званию. С 1902 года К. А. Иностранцев – главный хранитель

Этнографического отдела Русского музея. С этого же года он – член-сотрудник Восточного отделения Русского археологического общества. В научных кругах К. А. Иностранцев приобрел авторитет историка культуры древнего и мусульманского Востока. Знание источников на арабском и персидском языках позволило ему не только продолжить систематизацию востоковедческой библиографии, начатой Владимиром Густавовичем Тизенгаузеном (1825–1902), но и находить разнообразные сведения историко-культурного характера там, где это не удавалось другим [52].

В Крыму К. А. Иностранцев развернул обширные полевые исследования. Он проводил сбор этнографического материала в Евпаторийском, Симферопольском, Ялтинском и Феодосийском уездах. В ходе данной экспедиции для музея было приобретено 392 предмета быта на сумму 1.235 рубля 34 копейки. Это вещи болгар, караимов, крымских греков, крымских татар, в том числе образцы вышивок и узорного тканья крымских татар, предметы повседневного быта, полотенца, платки разного назначения, женские нагрудники, покрывала, пояса для вздержки, утварь, музыкальные инструменты, одежда – комплексы и отдельные предметы (среди них

костюмы караимского хаззама (газана), полный костюм болгарки-невесты, старинный женский греческий костюм из Старого Крыма, головные покрывала, утварь глиняная, деревянная, металлическая; сельскохозяйственные орудия), а также 51 фотография с бытовыми сценами и видами, сделанная по маршруту поездки: Перекоп (деревни Мулла-Лар, Тюп-Кенегез, Тереклы-Абаш) – Симферополь – Евпатория – Бахчисарай – Бахчисарайская волость Ялтинского уезда (деревни: Куру-Узень, Улу-Узень, Туак, Ускют, Лаки, Керменчик, Тавры, Богатыр, Узеньбаш, Фот-Сала, Коккоз) – Алушта – Судак (дер. Куру-Узень, Улу-Узень, Туак, Ускют, Кансехде, Кутлак) – Феодосия и уезд (деревни: Сарай-Мин, Коп-Кочеген, Кыз-Аул, Коп-Тахыл, Таракташ, Токлук, Коз, Капсыхор, Кутлак, Отузы, Коктебель) – Старый Крым – Карасубазар – Симферополь [53].

В 1906 году экспедицию музея в Крым возглавил Петр Николаевич Бекетов (1881–1907) – морской офицер, брат известного академика архитектуры Алексея Николаевича Бекетова (1862–1941). П. Н. Бекетов сотрудничал в Русском географическом обществе. Он имел собственную дачу в Профессорском уголке под Алуштой, рядом с сохранившейся до настоящего времени дачей его брата. В экспедиции он основное внимание уделил сбору этнографических предметов у степных татар (керченских и перекопских). Маршрут для него разработали С. А. Мокржецкий и С. С. Крым. П. Н. Бекетов посетил в Феодосийском уезде деревни Сарай-Мин, Коп-Кочеген, Кыз-Аул, Коп-Тахыл; в Перекопском – Мулла-Лар, Тюп-Кенегез, Тереклы-Абаш. Петр Николаевич доставил в музей 94 предмета, истратив на их приобретение 200 рублей [54]. В письме, адресованном К. А. Иностранцеву 8 апреля 1906 года, П. Н. Бекетов отмечал, что «подозрительность, замкнутость крымских татар не знает предела» [55], а это, по его справедливому замечанию, существенно мешало работе: «<...> нет возможности присматриваться и выбирать». Петр Николаевич привез в Санкт-Петербург комплексы и отдельные предметы женской, мужской и детской одежды крымских татар, головные покрывала, полотенца разного назначения: узорного тканья и с вышивкой; утварь глиняную, деревянную, металлическую, комплект утвари для приема гостей (подставка для подноса, поднос и чашечки) [56]. Петр Николаевич Бекетов стал инициатором подготовки для экспозиции музея макетов жилищ степных и горных татар Крыма. Он же нашел и исполнителя проекта – студента Петербургского горного института, молодого геолога, гидролога Петра Абрамовича Двойченко, который занимался в Крыму исследованием артезианских колодцев.

Крупный, но до последнего времени малоизвестный деятель кримведения – П. А. Двойченко (1893–1945) – геолог, гидролог – активно сотрудничал с Русским музеем в деле этнографических исследований. Родом он из Бердянска. Уже в декабре 1893 года семья переехала в Симферополь. Низшее образование получил в частной школе Архангельской в Симферополе (1890–1892), среднее – в гимназиях Симферополя и Павлограда. В 1902–1908 годах – студент Горного института в Санкт-Петербурге. Специализировался и работал под руководством профессора Е. С. Федорова по кристаллографии и петрографии. После защиты дипломного проекта получил звание горного инженера и диплом I разряда. С 1900 года будущий

Петр Абрамович Двойченко.

ученый занимался репетиторством по математике и естествознанию. В 1903–1904 годах он руководитель общеобразовательных курсов в столице, где читал лекции по геологии и полезным ископаемым. С 1904 года – «штатный объяснитель» в музее и руднике Горного института. В 1904–1905 годах – читал лекции на общеобразовательных курсах в Симферополе по геологии и минералогии. В 1907–1908 годах – исполнял обязанности ассистента по кафедре палеонтологии Горного института. В 1908–1912 годах – преподавал в Симферопольском народном университете (читал курсы по геологии, гидрологии, минералогии и о полезных ископаемых). В 1912–1914 годах преподавал в Симферопольском техникуме на курсах рабочих-десятников. В феврале 1919 года по

предложению академика Н. И. Андрусова П. А. Двойченко был избран приват-доцентом Таврического университета, где читал курсы кристаллографии и минералогии на физико-математическом, агрономическом и медицинском факультетах и заведовал Минералогическим кабинетом. С 1922 года – профессор Крымского университета по кафедре геологии. С 1905 года по приглашению Таврического губернского земства обследовал артезианские воды и колодцы в Перекопском и Евпаторийском уездах. В последние годы – в других районах. В 1913–1920 годах – заведующий Гидрологическим отделом Таврического губернского земства [57].

8 апреля 1906 года П. Н. Бекетов сообщал Константину Александровичу Иностранцеву: «Я нашел в Симферополе сущий клад. Это некто Двойченко – молодой геолог и натуралист, он кончает Горный институт и зимой делает модели всевозможных построек в Мраморном дворце (там есть такая мастерская). Летом он разъезжает по крымским степям для исследования артезианских колодцев. За прошлый год объездил 800 деревень (!). Крымские татары ему известны и близки с детства. Скромность и добросовестность этого молодого человека не имеет пределов. <...> Платно Двойченко не работает и сам предложил просто сделать несколько моделей» [58]. П. Н. Бекетов считал, что для экспозиции музея о крымских татарах нужны макеты горной сакли с двором и печкой, степной феодосийской сакли из камня, степной перекопской сакли из камыша, степной арбы и горной кашары [59].

В 1908 и 1909 годах сбором этнографических коллекций в Таврической губернии по заданию Русского музея занимался П. З. Рябков, который доставил в столицу собрания по рыболовству и предметы земледельческого обихода различных народов Крыма [60]. Собранный в течение 1903–1908 годов материал позволил открыть в музее интересную экспозицию, посвященную крымским татарам.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ КРЫМА:
ЭТНОГРАФЫ И ЭКСПЕДИЦИИ (XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

«Наука в России» в пределах СССР № 11

руководитель Комиссии «Наука в России» при Российской Академии Наук,
под наблюдением вкад. С. Ф. Ольденбурга.

адрес: Петроград, Университетская наб., 1, КЕПС, телефон 1-32-94.
«Ученые учреждения и высшие учебные заведения».

ДЛЯ ОТВЕТА:

название учреждения: Геологический кружок при Геологическом Кабинете
Крымского Университета

адрес учреждения: Симферополь Геолог. Кабинет

наименование учреждения: при Геологическом Кабинете

год основания: 1918 год. Основан Анон. Н. И. Визурцевым

цели и задачи: Детальное изучение геологии степей Крыма
организацию геолог. экскурсий и исследований
геологии Крыма и Кавказа на основе
методов Сварина
Секция: нет, в работе ведутся: нет, направлением
1) Минерал. и техн. геол. 2) Стратиграфия и палеонтология
3) Гидрогеология, 4) Климатология 5) Педология

Председатель: Крафт, Н. А. Двойченко, Секретарь
А. А. Федорович и Н. М. Прокопенко
Члены: И. И. Визурцев; Профессора Симферопольского
Университета: Все члены Студенческого Кружка Крымского Университета

Анкета Петра Абрамовича Двойченко.

Двойченко, Петр Абрамович
Симферополь Крымского Университета

Подпись: *Петр Абрамович Двойченко*

Автограф Петра Абрамовича Двойченко.

Николай Николаевич Бекетов (в центре) с детьми. Сидят слева направо: Николай, Екатерина, Петр, Алексей, позади стоит Владимир.

В 1909 году на Этнографической выставке в Музее экспонировались крымскотатарские костюмы, промышленная утварь, предметы домашнего обихода, украшения. Отдельно были представлены коллекция старинных ковров из Крыма, мастерские крымскотатарского оружейника и ювелира [61].

В 1912 году по поручению Музея этнографические исследования в Бахчисарае проводил архитектор Сергей Семенович Некрасов. Интересную информацию о ходе сбора им материалов для музея предоставляют его письма [62] к исполняющему обязанности заведующего Этнографическим отделом Русского музея Александру Александровичу Миллеру. С. С. Некрасов сокрушался, что из-за подозрительности крымских татар «нет никакой возможности попасть в татарские дома, приходится покупать из вторых рук, хотя не могу пожаловаться на высокую цену» [63].

10 июля 1912 года С. С. Некрасов сообщил А. А. Миллеру о сделанных закупках. Наиболее интересным экспонатом оказалось «железное копье-дротик с золотой насечкой» [64]. А. А. Миллер давал архитектору четкие указания: сфотографировать дверь в Мамут-Султане, в имении князя Долгорукова под лестницей парадного входа, провести переговоры о покупке этих дверей [65]. 24 августа С. С. Некрасов сообщал в столицу, что удалось найти «много ценного и интересного, к сожалению, не имел возможности приобретать их на наличные средства [66].

Сбор коллекции был продолжен Сергеем Семеновичем Некрасовым в 1913 году. 1 июля он писал А. А. Миллеру: «Главным образом меня заинтересовали резные и расписные потолки. Если бы иметь рублей 300, можно было бы купить пару целых потолков, а то и всю отделку комнаты» [67]. К письму прилагались фотографии потолков. Архитектор сетовал: «<...> ни слова по-татарски не знаю, хоть бы словарь был» – и просил коллег прислать ему из столицы словарь [68]. 14 августа 1913 года С. С. Некрасов выслал в музей фото сундука и трех ручных зеркал [69]. В течение 1912–1913 годов С. С. Некрасов для музея и сделал зарисовки и фотографии многих уникальных архитектурных крымскотатарских памятников, купил татарские резные и расписные подвесные потолки [70], ручные зеркала в деревянной оправе, женские пояса, отдельные предметы мебели, медную и серебряную утварь [71].

В начале июля 1912 года специальную поездку с целью изучения крымскотатарских жилищ совершил по заданию музея М. Н. Дубровский. Итогом ее стало подробное описание крымскотатарских построек [72], сделанное в сравнении с его предыдущими наблюдениями 1908 года. Этнограф считал, что развитие курортов мешает сохранению этнической самобытности. Представляет бесспорный научный интерес и еще одна статья М. Н. Дубровского, выявленная нами в Научном архиве Российского этнографического музея: «Описание татарского дома в деревне Ай-Серез Феодосийского уезда Таврической губернии» (закончена 13 октября 1912 г.) [73]. Исследования М. Н. Дубровского до сих пор являются важнейшими и востребованными по данному вопросу.

В 1913 году по маршруту Симферополь – Евпатория – Бахчисарай – Фот-Сала с целью сбора этнографического материала проехал Александр Александрович Миллер. Для музея им были приобретены многочисленные фрагменты национальных костюмов, сделаны описания жилищ крымских татар. По данным предоставленного им в Музей отчета в израсходовании аванса в 1000 рублей, он собирал вещи караимов, крымских татар, цыган: предметы одежды (женское платье, жилетка мужская), украшения (броши), предметы быта (курильные трубки) [74].

Значимую в научном плане экспедицию в Крым летом 1916 года по заданию Русского музея совершил Александр Николаевич Самойлович (1880–1938). Его разносторонняя крымоведческая научная и организационная деятельность – предмет отдельного исследования [75].

Коллекция предметов, связанных с культурой и бытом народов Крыма, пополнялась и путем частных пожертвований. Так, 14 мая 1908 года от киевлянки Любви Афанасьевой поступила коллекция одежды: куртка крымского татарина, детский туркменский костюмчик (халат, шапка, тюбетейка, туфли, сандалии) [76]. Зафиксированы поступления от В. П. Шнейдера (двадцать один предмет вышивки и узорного тканья в 1908-м и серебряная подставка для кофейной чашки в 1909 г., купленные в Бахчисарае и на Южном берегу Крыма), С. М. Коровина (шерстяной шарф, украшенный узорным тканьем – 1910 г.), Е. К. Ватель (кисеты, платки, полотенца, предметы одежды, молитвенный коврик – 1912 г., собраны в районах Бахчисарая и Карасубазара), Д. С. Демишова (женские деревянные калоши, инкрустированные перламутром и металлом из Бахчисарая, 1914 г.), А. Бакшимова

(образцы вышивок и украшения для одежды и на стенку, занавески, столик, сосуды для плова, блюда, приобретенные в Керчи и Бахчисарае с уездами) [77].

Кроме сборов этнографических коллекций важной формой исследований народов Крыма, проводимых Русским музеем имени императора Александра III, являлись анкетные опросы. Так, в 1913 году музей провел анкетирование крымчаков, проживавших в Крыму [78]. Анкета включала более сорока вопросов о социальном происхождении, семейном положении, образовании, семейном бюджете: «нет ли в доме каких-то старых крымчакских вещей, если есть, то что именно; есть ли в доме крымчакские рукописи, какие именно; какие предания в вашей семье известны о происхождении крымчаков» [79]. Изучение данных материалов, до настоящего времени не введенных в научный оборот, позволит значительно расширить представление о быте и культуре крымчаков.

Экспедиции Русского музея императора Александра III по изучению этнографии народов Крыма, другие виды этнографических исследований, проведенные этим научным учреждением, сыграли значимую роль в развитии различных направлений крымоведения. Их результаты нашли отражение в научных материалах, издаваемых Русским музеем [80], способствовали сохранению для потомков уникальных этнографических памятников, созданию крупнейшей за пределами полуострова экспозиции, посвященной этнографии народов Крыма.

Бесспорным лидером в области научных этнографических разработок крымских народов в конце XIX начале XX века стал и Лазаревский институт восточных языков, открытый в Москве в 1814 году согласно завещанию, оставленного Иваном Лазаревичем Лазаревым. Довольно скоро обычное учебное заведение преобразовалось в ведущий центр по изучению языка, истории и культуры Востока. Реорганизации учебный процесс подвергся в начале 70-х годов XIX века. По новому уставу (1872 года) Лазаревский институт состоял из гимназии

Агафангел Ефимович Крымский.

и высших специальных классов: один приготовительный, семь гимназических и три специальных класса. В последних при шести профессорах, одном доценте и двух преподавателях действовали кафедры: армянской словесности, арабской словесности, персидской словесности, турецко-татарского языка, история Востока, русской словесности, грузинского языка, практики персидского и турецкого языков, восточной каллиграфии. По программе и организации учебного процесса, по правам, предоставляемым их выпускникам по окончании, специальные классы Института соответствовали высшему учебному заведению [81].

Сыграв выдающуюся роль в истории востоковедения, Лазаревский институт

восточных языков стал и центром крымской ориенталистики – экспедиционных и теоретических исследований в области истории, этнографии, интерпретации источников по истории крымских армян, татар, караимов. В стенах этого прославленного заведения обучались, а позже преподавали, определяли направления научных исследований выдающиеся ориенталисты Владимир Александрович Гордлевский, Агафангел Ефимович Крымский, Христофор Иванович Кучук-Иоаннесов и другие деятели крымоведения первой трети XX века. Здесь же обучались деятели, которые вскоре стали выдающимися учеными-крымоведами, в частности создатель Восточного музея в Ялте – Якуб Меметович Якуб-Кемаль.

*Владимир Александрович
Гордлевский.*

Исследования этнографии народов Крыма – неотъемлемая составляющая научной деятельности выдающегося российского и советского тюрколога Владимира Александровича Гордлевского (1876–1956). До последнего времени этот аспект отсутствовал в обзорах творчества академика, подготовленных к его юбилеям и после смерти. Насильственная депортация крымскотатарского народа 1944 года автоматически наложила вето на упоминание сочинений востоковеда, связанных с этнографическим изучением полуострова в первой трети XX века [82].

В начале XX века В. А. Гордлевский плодотворно работал как языковед и фольклорист. Тюркские народные сказки, легенды, песни, пословицы, загадки были для него первостепенным объектом исследования. В подготовленных в 1946 и 1979 годах библиографических списках его работ учтены не все его сочинения, посвященные изучению крымских татар [83]. Их удалось восстановить благодаря изучению составленной А. Е. Крымским еще в досоветское время библиографии исследований В. А. Гордлевского, сохранившейся в рукописном виде [84].

В. А. Гордлевский родился в Свеаборге. Образование получил в Гельсингфорской гимназии, а затем на Историко-филологическом факультете Московского университета и Лазаревском институте восточных языков [85]. В 1904 году молодой ученый совершил первую поездку в Крым и Турцию для практического знакомства с турецкими наречиями. С этого времени в его творчестве прослеживается неослабевающий интерес к фольклору турок и крымских татар. С 1907 года В. А. Гордлевский вступил в авторитетную корпорацию преподавателей Лазаревского института восточных языков. В 1911 году он сдал магистерский экзамен, а в 1916-м получил звание экстраординарного профессора [86].

В первой из крымоведческих публикаций ученого – «Из истории османской пословицы и поговорки» – предложен разбор пестрой вереницы турецких и крымскотатарских пословиц, особенностей фольклора тюркских народов полуострова [87]. Вскоре молодой турколог подготовил и опубликовал на страницах «Живой старины» «Указатель литературы османской сказки», куда была включена развернутая библиография и о крымскотатарских фольклорных памятниках [88]. Ряд его статей содержит критический разбор крымоведческих изданий этнографической тематики. Так, анализируя 50-й выпуск «Известий Таврической ученой архивной комиссии», В. А. Гордлевский отметил, что «выдвигается на очередь и этнографическое исследование Крымского полуострова». Характеризуя деятельность в этом направлении своего ученика А. Н. Морисова, который по программе, составленной В. А. Гордлевским, собирал материал по народной словесности крымских татар [89], и коллеги А. Н. Самойловича, историк продемонстрировал и хорошее знание итогов разработок в области изучения народной словесности крымских татар [90]. Рецензия является интересным источником о роли А. Н. Самойловича в организации лингвистического и этнографического изучения крымскотатарского этноса в 1912–1914 годах.

Доскональному анализу подверг В. А. Гордлевский «Легенды Крыма», собранные местным Никандром Александровичем Марксом. Подвижник краеведения Никандр Александрович Маркс (1851–1921) – генерал, археограф, этнограф-собирающий – родился в семье зажиточного феодала Александра Карловича Маркса. Его детские годы прошли в Отузах. Получив военное образование сначала в Воронежской Михайловской гимназии, после – в Санкт-Петербургском Александровском училище, он начал службу в чине унтер-офицера и прошел путь до генерал-лейтенанта. Под влиянием литературных веяний Н. А. Маркс оставил службу и поступил в столичный Археологический институт, который окончил в 1910 году в 49-летнем возрасте с золотой медалью со званием ученого археолога. На страницах периодической печати и в виде трех сборников он опубликовал многочисленные крымскотатарские легенды [91]. В. А. Гордлевский отметил их стилизованность («отбирая между вариантами наиболее интересные»), слабость ориенталистических примечаний, неверная передача транскрипции мусульманских имен («перевраны»), что характеризовало непонимание составителем «духа» турецкого языка («иногда просто вздор, основанный на смешении языков»), и вместе с тем – определенная роль издания в развитии изучения народной словесности крымских татар [92]. Серьезным исследованием крымскотатарского фольклора являются сделанные В. А. Гордлевским «Замечания на «Пословицы крымских татар, изданные П. А. Фалёвым» [93]. В статье характеризуется исследование Али Абдурейфиевича Боданинского, дается оценка творчества одного из ведущих этнографов Крыма того периода – П. А. Фалёва, предлагаются рекомендации по методике сбора фольклорного материала. В. А. Гордлевский отдельно остановился на умении находить подход к местному населению для получения фольклорных данных. «Замечания» В. А. Гордлевского имеют значение самостоятельного научного исследования. Работа сразу была высоко оценена специалистами [94].

До настоящего времени не утратили научной значимости и представляют несомненный научный интерес отложившиеся в личном архивном фонде В. А. Гордлевского неопубликованные рукописи ученого, посвященные изучению фольклора караимов и крымских татар в досоветское время. Они имеют вид черновых заметок и набросков к статьям [95]. Неопубликованное наследие ученого свидетельствует, что он на протяжении ряда лет занимался изучением народов в степном и горном Крыму. В связи с этим особенно ценным представляется сохранившийся черновой вариант его статьи «Обломки старых культур у южнобережных татар» [96], где представлен анализ быта и обычаев жителей южнобережных деревень Улу-Узень, Куру-Узень и Кучук-Узень. Уже в 1913 году европейскими коллегами В. А. Гордлевский справедливо назывался первым среди немногочисленных в то время этнографов-крымоведов [97].

Результаты научных экспедиций В. А. Гордлевского, проведенных в 20-е годы XX века, большей частью не были опубликованы. Они также отложились в личном фонде ориенталиста в Архиве РАН. Среди архивных материалов научный интерес вызывают рукописи «Этнографические мелочи: в Крыму» (12 сентября 1925 г.) [98], «О крымской деревне Ускют» (1929 г.) и «Караимские эпические песни» (без даты). Из опубликованного наследия ученого ценность для восстановления истории крымоведения в этот период представляет статья «Рукописи Восточного музея г. Ялты» [99]. Она освещает историю коллекции крымскотатарских рукописей, деятельность местных подвижников крымоведения О. А. Акчокраклы, У. А. Боданинского, Я. М. Якуба-Кемаля по изучению этнографии крымских татар. Публикация является одним из немногих доступных источников, характеризующих это уникальное музейное собрание, которое затем попало в перечень репрессированных коллекций и было рассыпано среди других собраний крымских музеев. Неслучайно работа сразу же вызвала интерес в кругах европейских ориенталистов [100].

Собранные в Крыму этнографические наблюдения использованы В. А. Гордлевским в сравнительном исследовании «Дервиши Ахи Эврана и цехи в Турции» [101]. В 1936 году в издательстве «Academia» вышел подготовленный В. А. Гордлевским (перевод и комментарии) сборник анекдотов о Ходже Наср-эддине (Насреддине). Во вступительной статье тюрколог доказательно обосновал, что данный персонаж – герой не только турецкого фольклора (как было принято считать), но и во многом – крымскотатарского. Исторические сведения о Ходже Насреддине были впервые скрупулезно систематизированы и обобщены. Анекдотические версии даны в сравнении с «его крымским соперником» – Ахметом Ахаем [102]. В новом издании фольклора о Ходже Насреддине (1957 г.), вышедшем уже после кончины ученого, составители сохранили статью В. А. Гордлевского, изменив ее название и убрав фрагменты о крымскотатарском фольклоре [103].

Студенты специальных классов Лазаревского института восточных языков получали практические задания и выезжали в Крым для сбора материалов. В связи с этим знаменательна деятельность этнографа Крыма Алексея Акимовича Олесницкого (1888–1943), который со студенческих лет активно разрабатывал

вопросы этнической истории полуострова. До последнего времени его биография и творчество оставались неизвестными для крымоведов [104].

Восстановить жизненную канву этнографа стало возможным благодаря проведенным нами разысканиям в фонде «Лазаревский институт восточных языков», отложившемся в Центральном историческом архиве Москвы. Из «Личного дела воспитанника специальных классов Олесницкого Алексея Акимовича» стало известно, что он родился 29 сентября 1888 года в Киеве. С 1898 по 1906 год юноша обучался в Третьей киевской гимназии, которую закончил с Серебряной медалью. В 1906 году он поступил в Лазаревский институт восточных языков. После смерти отца семья Олесницких переехала из Киева в Алупку, что во многом объясняет интерес студента к дальнейшим этнографическим изысканиям и выбор места проведения полевых практик. Полный курс специальных классов института Алексей Акимович окончил в июне 1910 года, проявив успехи в арабской, персидской словесности, турецко-татарских языках и истории Востока [105].

Алексей Акимович Олесницкий.

В студенческие годы А. А. Олесницкий неоднократно участвовал в этнографических экспедициях института, а также проводил собственные полевые исследования. Так, в июне–августе 1908 года он был направлен в Турцию, где изучал фольклор и совершенствовал знания языка. Летом 1909 года, во время этнографической экспедиции в Крыму, А. А. Олесницкий собрал несколько десятков песен крымских татар. Совет специальных классов Лазаревского института на заседании 5 марта 1910 года после знакомства с докладом А. А. Олесницкого «Песни крымских турок», обобщавшим результаты данной этнографической экспедиции, принял решение опубликовать собранный студентом материал. Сохранился

отзыв В. А. Гордлевского об этой работе, в котором ученый отметил, что впервые фольклорные памятники подобного типа обратили на себя внимание. Указав на высокий научный уровень проведенных работ, В. А. Гордлевский предложил наградить А. А. Олесницкого памятной медалью Лазаревского института восточных языков и выдать ему свидетельство об окончании курса Первого разряда [106]. А. А. Олесницкий взял на себя все издержки по изданию работы [107]. Структурно она была поделена на три части: транскрипированный текст, русский перевод и приложение, в котором помещались ноты. Песни были собраны этнографом только на Южном берегу Крыма, что в некоторой степени снижает лингвистическую и художественную ценность материала. Приток нетюркского населения в этот район в конце XIX – начале XX века способствовал размыванию сложившихся там во времена Крымского ханства фольклорных традиций. Ощущалось здесь и влияние

турков-османов, которые массово приезжали на Южный берег Крыма на заработки. Новаторское исследование юного тюрколога было положительно оценено как российскими, так и европейскими коллегами по цеху ориенталистов [108].

В 1909 году экспедиции Лазаревского института восточных языков по предварительным планам должны были охватить весь полуостров. Однако в Крыму ученые столкнулись с подозрительным отношением к своим поездкам со стороны местной администрации. Из-за отсутствия документа из Института, подтверждающего их научные функции, исследователям запретили посещать татарские кофейни и записывать беседы с местными жителями.

О судьбе этнографа после окончания института мы узнаем из его письма к А. Е. Крымскому от 10 июня 1910 года, выявленном в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского [109], а также из письма наставника А. А. Олесницкого – филолога-языковеда, этнографо-фольклориста Всеволода Федоровича Миллера (1848–1913), адресованного Валентину Алексеевичу Жуковскому, от 2 июня 1910 года [110]. Из этих документов очевидно, что А. А. Олесницкий собирался продолжить образование в Учебном отделении восточных языков при Министерстве иностранных дел. Всеволод Федорович Миллер рекомендовал его «как прекрасного молодого человека. Он выдающихся способностей, отличных нравственных качеств, трудолюбив и работоспособен» [111].

В 1913 году А. А. Олесницкий опубликовал два варианта крымскотатарской песни про убийство татаринном православного священника, которая заинтересовала этнографа. Во вступлении он отметил, что нашел данный памятник устного народного творчества «в одно из моих частых странствий по Тавриде в поисках за материалом по крымскому народному фольклору» [112]. Один вариант текста был записан историком в окрестностях Феодосии, в селении Азбелек-Келечи, у семидесятилетнего татарина Софера Адиль-Гирея, а более правдивый, по мнению исследователя, вариант найден А. А. Олесницким в Санкт-Петербурге у Николая Александровича Султан Крым-Гирея [113]. Известно и источниковедческое исследование А. А. Олесницкого, посвященное крымской истории [114].

Крымоведческие изыскания молодого московского ученого имели весомое научное и культурно-познавательное значение. Принципиальным отличием этих исследований от работ местных краеведов второй половины XIX – начала XX века (этнографов-собираателей) является строго научный подход к собранным материалам, наличие справочного аппарата, фундаментальная источниковая база, подведенная под выводы [115].

Конец XIX – начало XX века в истории этнографического крымоведения стал периодом активного взаимодействия ученых из крупных академических центров и местных краеведов в области историко-этнографического исследования региона. Результатом этого плодотворного взаимодополняющего сотрудничества стал бурный всплеск исследований, связанных с изучением прошлого, культуры, обычаев, фольклора народов Крыма. Деятельность на ниве крымоведения академика Н. С. Державина (1877–1953) – яркий пример продуктивности такого сотрудничества.

Николай Севастьянович Державин родился в болгарском селе Преслав, Бердянского уезда, Таврической губернии, в семье сельского учителя. В 1888–1896 годы он обучался в Симферопольской мужской гимназии, которую окончил с золотой медалью. Значительное влияние на выбор гимназистом будущей специальности оказал преподаватель словесности и истории Арсений Иванович Маркевич (1855–1942) – организатор научного крымоведения. Неслучайно юноша выбрал для продолжения образования Санкт-Петербургский историко-филологический институт. Со второго курса этого вуза он перевелся в Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине, где обучался с 1879 по 1900 годы [116].

Находясь на третьем курсе Н. С. Державин подготовил первое научное исследование по этнографии болгар Таврической губернии «Очерки быта южно-русских болгар», которое опубликовано на страницах «Этнографического обозрения» [117]. В работе рассмотрены родинные и свадебные обычаи болгарских колоний, расположенных в Бердянском уезде Таврической губернии, приведены тексты и переводы поверий (без комментариев). Изложенный фольклорный материал был хорошо известен молодому исследователю по жизни родного села. Статья основывалась на личных наблюдениях автора, подвергшихся систематизации и строгой научной обработке. Оканчивая институт, Николай Севастьянович опубликовал этнографическую заметку «У болгар в Таврической губернии», где представил краткий очерк жизни, деятельности и условий развития болгарского народа как новой этнографической единицы юга империи [118].

Н. С. Державин в течение четырех лет работал преподавателем русского языка и литературы в Батумской гимназии. В 1903 году Академия наук командировала молодого этнографа в Турцию и Болгарию для работы в библиотеках и занятий этнографическими исследованиями. Тогда же он был избран членом-корреспондентом Русского археологического института в Константинополе [119]. С этого времени завязывается дружба Н. С. Державина с директором института, крымоведом-византинистом Ф. И. Успенским, в переписке с которым они постоянно дискутировали по различным вопросам исторического краеведения Крыма [120]. В 1904 году Николай Севастьянович переведен в Тифлис, где до 1907 года преподавал в Первой гимназии [121]. К этому периоду творчества относится несколько этнографических исследований ученого. Так, анализу звуковых особенностей говора болгарских колонистов Таврической губернии он посвятил специальную статью, опубликованную в издании Академии наук [122]. Первые этнографические исследования южного региона, ставшие визитной карточкой ученого, способствовавшие его принятию в 1909 году в действительные члены Таврической ученой архивной комиссии [123].

В 1907 году Н. С. Державин был прикомандирован к Санкт-Петербургскому университету для подготовки к профессорскому званию по кафедре славяноведения. Продолжая исследования болгарских колоний как в материковой части Таврической губернии, так и в Крыму, этнограф 7 марта 1907 года на заседании Таврической ученой архивной комиссии выступил с обстоятельным сообщением «Болгарские колонии Новороссийского края: Херсонская и

Таврическая губернии: материалы по этнографии России», которое опубликовано [124]. Предложенный этнографический материал собирался автором в течение нескольких лет в полевых условиях по программе Московского археологического общества. Наряду со своими наблюдениями Н. С. Державин обобщил данные, собранные другими авторами (К. П. Волчан, Ф. Ф. Гервалов, А. Ф. Музыченко). Этнограф привел во введении и полный список своих корреспондентов. Работа открывалась описанием Таврической и Херсонской губерний в топографическом, климатическом и этнографическом отношениях, историей болгарской колонизации Северного Причерноморья и Крыма. При этом были систематизированы обширные статистические данные по численности болгарского населения в регионе. Помещен список болгарских сел. Данный труд стал первым в историографии обобщающим исследованием истории и этнографии болгар России. Научное значение исследования было отмечено не только отечественными, но и европейскими этнографами [125].

В 1909–1910 годах ученый совершил поездку в Бессарабию и Болгарию для сбора этнографического материала. При этом он одним из первых применил для записей фонограф. С помощью фонозаписей исследователь доказал существование в Крыму болгарского говора с редкого для всей болгарской территории «сильно глухого» звука [126].

Итоги этнографических исследований Н. С. Державина в Таврической губернии стали темой для двух сообщений на XIII Археологическом съезде в Екатеринославе: «Болгарские колонии Таврической и Херсонской губерний в культурно-этнографическом отношении» [127] и отчета о ходе этнографического изучения болгарских колоний в Новороссийском крае [128]. Обе работы, представляющие несомненный интерес, выявлены нами в «Трудах» съезда. Они не вошли в опубликованный указатель трудов Н. С. Державина [129]. В этих статьях исследователь впервые представил новые данные о болгарских поселениях в Феодосийском уезде. Они были собраны еще в 1904 году во время полевых изысканий по программе Московского археологического общества, которая имела целью составить представление о быте крымских болгар.

Исследования в материковых уездах Таврической губернии и в Крыму Н. С. Державин проводил летом 1911 и 1912 годов. До нас дошли достаточно обстоятельные отчеты о проведенных работах [130]. На основе этих материалов и архивных документов ученый подготовил в 1912 году популярный исторический очерк «для народного чтения» «О болгарях и болгарском переселении в Россию» [131]. С 1912 года Н. С. Державин работал приват-доцентом Санкт-Петербургского университета.

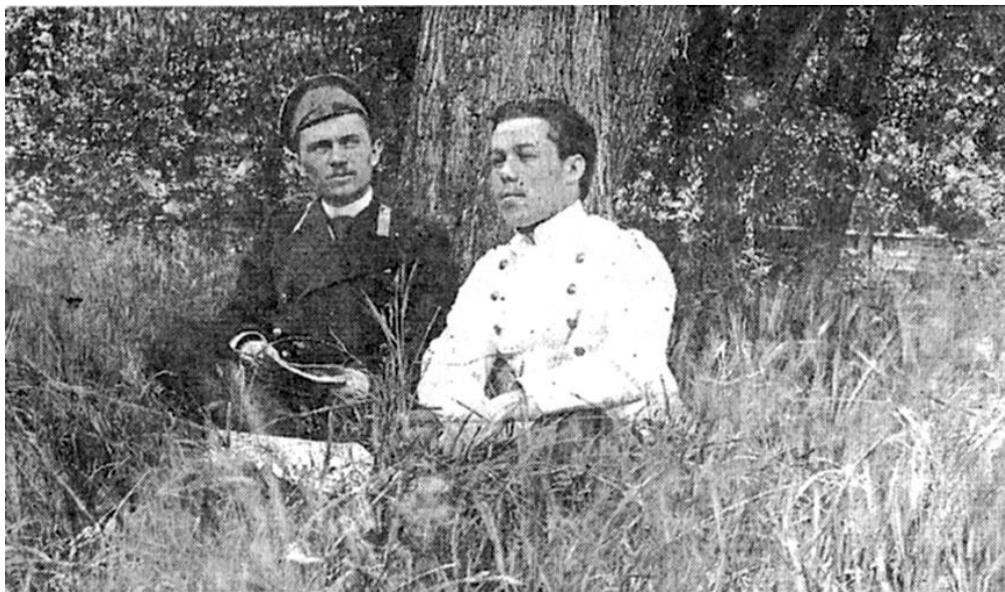
Целой вехой в изучении болгарских колоний Российской империи стал подготовленный Державиным двухтомный труд «Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии)», опубликованный в 1914–1915 годах в Софии, который лег в основу его докторской диссертации. Работа была защищена в 1916 году на историко-филологическом факультете Петроградского университета. Она обобщала появившиеся ранее очерки по этнографии, статистике, лингвистике болгар России, а также содержала исследования народного фольклора

и материальной народописи. В последующие годы Н. С. Державин существенно переработал и дополнил этот труд, который предполагалось переиздать вновь. Эти планы не были осуществлены. Рукопись нового варианта работы «Болгары, этнографический очерк» сохранилась в личном архивном фонде ученого [132].

В 1917 году Державин избран профессором по кафедре славяноведения Санкт-Петербургского университета, а с мая 1922 по май 1925 года являлся ректором этого ведущего учебного заведения. С конца 1924 по 1 января 1929 года он работал вторым зам директора Российской Публичной библиотеки, затем до 1931 года – консультантом в библиотеке. Наряду с этим ученый продолжал заниматься разработкой истории болгарских колоний в Крыму. Не все исследования ученого этого периода были опубликованы. В связи с этим особый интерес представляют материалы его личного фонда в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук. Среди неопубликованных рукописей для изучения истории и этнографии Крыма своим значением выделяется монументальная монография «Българите в Украйне», подготовленная на болгарском языке [133]. Ее написание датируется 1925–1926 годами. Сбор материала производился этнографом в 10-е годы XX века. В работе представлен очерк истории колонизации, описание этнографических особенностей быта и культуры болгар Крыма, их языка, хозяйства. Автор предполагал опубликовать монографию в Харькове, где с 1923 по 1937 годы находилось Государственное издательство национальных меньшинств и Болгарское центральное бюро. План не был реализован.

Исследования Н. С. Державина в области крымской болгаристики значительно развил Александр Федорович Музыченко (1875–1940). Он родился 8(21) августа 1875 года в селе Станиславово Херсонской губернии в семье директора Больше-Токмакского народного училища Федора Ивановича Музыченко. Среднее образование юноша получил в Бердянской гимназии, которую окончил с золотой медалью. В 1895 году Александр успешно сдал экзамен и был зачислен в Санкт-Петербургский историко-филологический институт. Однако состояние здоровья не позволило ему обучаться в столице, и он исходатайствовал перевод в институт такого же профиля, который находился в лучших климатических условиях. Так судьба привела его в Нежин [134]. Там под руководством филолога-слависта Михаила Несторовича Сперанского (1863–1938) Александр Федорович начал заниматься вопросами истории и этнографии болгарских колоний в Крыму. После окончания третьего курса летом 1898 года во время каникул по заданию М. Н. Сперанского студент Александр Музыченко собирал и систематизировал фольклорные материалы болгарского населения села Кишлау Феодосийского уезда, чтобы «почерпнуть кое-что из богатой сокровищницы болгарских обычаев, обрядов, песен, пословиц, поговорок и других форм, в которые вылились народная жизнь и народный ум» [135]. Собранные фольклорные памятники были затем использованы для семинарских занятий по курсу славянской филологии. Итогом этой первой научной командировки стала публикация А. Ф. Музыченко в «Этнографическое обозрение», которое издавалось Этнографическим отделением Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Опубликованные молодым этнографом материалы вызвали отклик

профессора словесности Харьковского университета Марина Степановича Дринова (1838–1906), который дал высокую оценку уровню проведенных исследований, отметив их актуальность для изучения юга страны [136]. Научное сотрудничество и дружба двух этнографов продолжались до смерти М. С. Дринова.

Александр Федорович Музыченко и Николай Севастьянович Державин – выпускники. 1900 г.

Во время второй экспедиции к крымским болгарам летом 1899 года А. Ф. Музыченко собирал сведения о свадебных обрядах и истории поселения села Кишлау [137]. После получения диплома с отличием об окончании Историко-филологического института князя Безбородко, «в чем выдан ему аттестат 7 июня 1900 г. № 1135» [138], А. Ф. Музыченко с рекомендательным письмом администрации этого вуза и личной рекомендацией профессора М. Н. Сперанского на имя попечителя Одесского учебного округа переехал в Одессу, где распоряжением министра народного просвещения был назначен на должность учителя русского языка и словесности 4-й Одесской гимназии с 18 июля 1900 года. А. Ф. Музыченко образцово выполнял свои обязанности. Ему неоднократно выражали благодарность от руководства гимназии, повышали по службе, а 27 ноября 1905 года педагог был награжден орденом Св. Станислава III степени [139].

В Одессе продолжались и исследования А. Ф. Музыченко в области этнографии болгар Крыма. 23 марта 1901 года на заседании Византийско-славянского отделения Историко-филологического общества при императорском Новороссийском университете он сделал доклад «О болгарских переселенцах Крыма». На проходившем в 1902 году в Харькове XII Археологическом съезде А. Ф. Музыченко

выступил с докладом «Наблюдения над народным творчеством крымских болгар» [140]. Этнограф поставил цель проверить существующие в науке мнения о происхождении и развитии поэзии, о личном и коллективном творчестве и о заимствованиях путем наблюдения над современным народно-поэтическим творчеством южных славян-поселенцев Крыма. Толчок для таких исследований был дан еще на VI Археологическом съезде в Одессе (1884 год), когда к такой работе приглашалась российская интеллигенция Крыма [141]. Автор проследил татарское, русское, греческое языковое влияние в языке крымских болгар на примере колонии Кишлав.

С годами менялись научные пристрастия этнографа. Он все более уходил в изучение вопросов теоретической педагогики. Но свои исследования по крымской этнографии он некоторое время еще продолжал публиковать. До сих пор малоизвестным для специалистов остается этнографическое исследование А. Ф. Музыченко «Рождение и первые годы детства у болгар» [142], разработанное на полевом материале из его крымских экспедиций. Отдельное исследование об истории болгарских колонистов в Крыму и фонетических особенностях говора крымских болгар А. Ф. Музыченко опубликовал в «Известиях Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук» [143].

Еще один пример научного изучения крымской этнографии в начале XX века – труды семьи Харузиных. Выходцы из богатого купеческого сибирского рода братья Михаил, Николай, Алексей и их сестра Вера единодушно связали свою жизнь с этнографией.

Николай Николаевич Харузин (1865–1900) после окончания Четвертой московской гимназии в 1885 году он продолжил свое образование на юридическом факультете Московского университета, откуда перевелся в Юрьевский (Дерптский) университет. Уже в те годы он твердо решил стать этнографом. Вместе с братом

Алексей Николаевич Харузин.

Михаилом Николаевичем они составили программу для собирания сведений о юридических обычаях народов России [144]. По возвращении в Москву Николай Николаевич отказался от предложения остаться при Московском университете для приготовления к профессорскому званию по международному праву и полностью отдался работе в Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, где был редактором «Сборника сведений для изучения быта крестьянского населения России» и самым деятельным сотрудником журнала «Этнографическое обозрение».

Только в 1893 году Н. Н. Харузин сдал экзамены на филологическом факультете Юрьевского университета на степень кандидата

по этнографическо-географическим наукам. В России до начала XX века кафедры этнографии вообще отсутствовали, а сама эта наука «не была предметом специального обучения» ни в одном из российских университетов [145]. Поступив на службу в архив Министерства юстиции, Н. Н. Харузин вскоре перешел в Исторический музей на должность сверхштатного хранителя коллекций. При содействии профессора Московского университета, председателя Этнографического отдела Общества Всеволода Федоровича Миллера он добился утверждения в должности приват-доцента по этнографии в Московском университете. В то время этот предмет еще не читался ни в одном университете страны. Одновременно с 1898 года Н. Н. Харузин читал этот курс в Лазаревском институте восточных языков [146]. Характеризуя научное наследие Н. Н. Харузина, этнограф Дмитрий Константинович Зеленин (1878–1954) писал в 1936 году: «Курс общей этнографии Харузина, насыщенный фактическими материалами, остается до сих пор непревзойденным» [147]. Смерть этого неутомимого и плодовитого ученого в 34-летнем возрасте стала тяжелой утратой для этнографической науки [148].

Н. Н. Харузин активно занимался сбором этнографических данных и археологическими раскопками в Крыму. Его первая научная командировка на полуостров датируется 1886 годом, когда он окончил первый курс Московского университета. Экспедиция проводилась под руководством В. Ф. Миллера. Студент-юрист с увлечением занимался раскопками и сбором этнографического материала в Алуште, регистрировал находки, собирал в татарских деревнях сведения по обычному праву, записывал предания и сказки. По сведениям В. Ф. Миллера, свои материалы об этой экспедиции Н. Н. Харузин опубликовал в «Симферопольских ведомостях» [149]. Речь идет о «Таврических губернских ведомостях». Эта публикация, вместе с тем, не вошла в подготовленный В. Ф. Миллером «Библиографический перечень трудов Н. Н. Харузина» [150]. В «Севастопольском листке» нами выявлена статья «Археологические разведки в Алуште и ее окрестностях», подписанная «М. Х.». Очевидно, братья участвовали в исследованиях

Всеволод Фёдорович Миллер.

В. Ф. Миллера вместе и Михаил Николаевич взял на себя описание хода раскопок [151]. Экспедиции Николая Николаевича Харузина в Крым повторялись в 1888, 1889 и 1894 годах [152]. Для крымоведения представляет интерес и обстоятельное исследование Н. Н. Харузина «История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России» [153].

Научной обработкой и публикацией собранных Н. Н. Харузиным материалов занимался его брат – Алексей Николаевич (1864–1932). По окончании Ревельской

губернской гимназии и Естественного отделения Физико-математического факультета Московского университета и получения степени магистра зоологии Дерптского университета он поступил на государственную службу. С 90-х годов XIX века он сменил ряд ответственных постов – чиновник для особых поручений при губернаторе Эстляндии, с 1902 года – управляющий канцелярией Виленского генерал-губернатора, губернатор Бессарабии (с 1905 г.), директор Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий (с 1909 г.), товарищ министра внутренних дел России А. А. Макарова (с 1911 г.), сенатор (с 1913 г.). За несколько лет до революционных событий 1917 года Алексей Николаевич подал в отставку в связи с несогласием с действиями министра Александра Александровича Макарова [154].

До того как А. Н. Харузин посвятил себя административной деятельности, он находил время для глубоко научных этнографических разработок. Осенью 1889 года 25-летнего Алексея Николаевича избрали секретарем Антропологического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. В 1890–1891 годах он редактировал «Дневник Антропологического отдела» Общества [155]. Здесь он поместил серию своих исследований, написанных на основе экспедиционного материала в течение 1885–1890 годов.

Основной массив крымоведческих публикаций А. Н. Харузина был посвящен изучению крымских татар. В статье «Заметка о татарах Южного берега Крыма» он привел их внешнее описание, таблицы физических и антропологических данных: рост, форма головы и другие сведения [156]. В отдельном сообщении этнограф остановился на обосновании закономерностей роста татар прибрежной полосы [157]. Собранные за несколько лет морфологические данные были опубликованы А. Н. Харузиным в статье «Татары Гурзуфа», где он вслед за Густавом Ивановичем Радде (1831–1903) применил трехчленную классификацию татар: степные, горные и южнобережные – и попытался проследить процессы ассимиляции, связанные с миграциями населения в Крыму [158]. Итогом археологических разысканий А. Н. и Н. Н. Харузиных в Крыму летом 1889 года посвящена статья «Древние могилы Гурзуфа и Гугуша» [159]. Раскопки были произведены в Гурзуфе. Антропологи исследовали древние захоронения в имениях П. И. Губонина и И. И. Фундукля. По обнаруженным останкам была предпринята попытка воссоздать этническую историю этих мест. Работа вызвала интерес ученых различных отраслей знания [160]. Значение исследований, проведенных Алексеем Николаевичем на поприще антропологии, было очевидно уже его современникам.

Вопросы этнографического изучения народов Крымского полуострова на протяжении XIX – первой трети XX столетия активно разрабатывались исследователями, которые как самостоятельно, так и действуя по программам, очерченным различными учеными учреждениями, занимались сбором и анализом различной этнографической информации. Итогом стараний крымоведов различного ученого уровня в досоветский период стала подготовка не только обобщающих популярных этнографических обзоров народов полуострова, но и отдельные наработки по доскональному изучению фольклора, фонетики, особенностей говора,

одежды, жилища. Производилась и значительная фотофиксация антропологических особенностей людей различных народностей, одежды, бытовых предметов, жилища. Были собраны и экспонировались в центральных музеях содержательные этнографические коллекции о крымских татарах, караимах, цыганах. Только часть этого богатого наследия, отложившегося сегодня в фондах музеев и личных архивах ученых, введена в научный оборот и используется.

Список использованных источников и литературы

1. Непомнящий А. А. Становление и развитие историографии истории Крыма: основные вехи (вторая половина XVIII – первая половина XX века) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки.– 2019.– Т. 5(71), № 2.– С. 21–55.
Nepomnyashchij A. A. Stanovlenie i razvitie istoriografii istorii Kryma: osnovnye vekhi (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina HKN veka) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki.– 2019.– Т. 5(71), № 2.– С. 21–55.
2. Непомнящий А. А., Севастьянов А. В. Может ли история оправдывать политическую концепцию? // Историческая экспертиза.– 2017.– № 1.– С. 146–150.
Nepomnyashchij A. A., Sevast'yanov A. V. Mozhet li istoriya opravdyvat' politicheskuyu kontseptsiyu? // Istoricheskaya ekspertiza.– 2017.– № 1.– С. 146–150.
3. Михайлов В. В. «Ученый-историк» А. В. Ишин и его «вклад» в российское крымоведение // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Гуманитарные и социальные науки.– 2016.– № 5.– С. 134–138.
Mihajlov V. V. «Uchenyj-istorik» A. V. Ishin i ego «vklad» v rossijskoe krymovedenie // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki.– 2016.– № 5.– С. 134–138.
4. Непомнящий А. А. Историография крымоведения, которой нет // Крымское историческое обозрение.– 2014.– № 2.– С. 282–292.
Nepomnyashchij A. A. Istoriografiya krymovedeniya, kotoroj net // Krymskoe istoricheskoe obozrenie.– 2014.– № 2.– С. 282–292.
5. Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН (далее – ИРЛИ), ф. 265, оп. 2, д. 1264, л. 6.
Institut russkoj literatury (Pushkinskij dom) RAN (dalee – IRLI), f. 265, op. 2, d. 1264, l. 6.
6. Там же, л. 7.
Tam zhe, l. 7.
7. Адрес-календарь: общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Империи и по главным управлениям в Царстве Польском и в Великом княжестве Финляндском на 1861–1862 г.– СПб., [Б. г.]– Ч. 2.– Стб. 307; То же ... на 1863–1864 г.– СПб., [Б. г.]– Ч. 2.– Стб. 323–324; То же ... на 1864–1865 г.– СПб., [Б. г.]– Стб. 303.
Adres-kalendar': obshchaya rospis' nachal'stvuyushchih i prochih dolzhnostnyh lits po vsem upravleniyam v Imperii i po glavnym upravleniyam v TSarstve Pol'skom i v Velikom knyazhestve Finlyandskom na 1861–1862 g.– SPb., [B. g.]– CH. 2.– Stb. 307; To zhe ... na 1863–1864 g.– SPb., [B. g.]– CH. 2.– Stb. 323–324; To zhe ... na 1864–1865 g.– SPb., [B. g.]– Stb. 303.
8. ИРЛИ, ф. 583, оп. 1, д. 786, л. 1.
IRLI, f. 583, op. 1, d. 786, l. 1.
9. Кондарак В. Х. Феодосия, 12 июня // Санкт-Петербургские ведомости.– 1857.– 3 июля.
Kondaraki V. H. Feodosiya, 12 iyunya // Sankt-Peterburgskie vedomosti.– 1857.– 3 iyulya.
10. Крымтаев С. Отзыв крымского мурзы на статью г-на Кондарак о татарах, помещенную в Санкт-Петербургских ведомостях 3 июля 1857 г. // Северная пчела.– 1857.– 23 окт.
Krymtaev S. Otzyv krymskogo murzy na stat'yu g-na Kondaraki o tatarah, pomeshchennuyu v Sankt-Peterburgskih vedomostyah 3 iyulya 1857 g. // Severnaya pchela.– 1857.– 23 okt.
11. ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, д. 1264, л. 6.
IRLI, f. 265, op. 2, d. 1264, l. 6.

12. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века).– Симферополь: Доля, 2001.– С. 296–304.
Nepomnyashchij A. A. Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arhivy (konets XVIII – nachalo ХХН века).– Simferopol': Dolya, 2001.– S. 296–304.
13. Кондараки В. Х. Ялта // Николаевский вестник.– 1865.– 26 авг.; Кондараки В. Х. Замечательные окрестности Ялты // Там же.–1865.– 4, 15 нояб.; Кондараки В. Х. Древние памятники в Алушке // Одесский вестник.– 1865.– 3 июля; Кондараки В. Х. Свадебные обряды у татар // Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства.– 1865.– 17 окт.
Kondaraki V. H. Yalta // Nikolaevskij vestnik.– 1865.– 26 avg.; Kondaraki V. H. Zamechatel'nye okrestnosti Yalty // Tam zhe.–1865.– 4, 15 noyab.; Kondaraki V. H. Drevnie pamyatniki v Alupke // Odesskij vestnik.– 1865.– 3 iyulya; Kondaraki V. H. Svadebnye obryady u tatar // Politsejskij listok Kerch'-Enikol'skogo gradonachal'stva.– 1865.– 17 okt.
14. ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, д. 1264, л. 11.
IRLI, f. 265, op. 2, d. 1264, l. 11.
15. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК), ф. 26, оп. 1, д. 25210, л. 1–3.
Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (dalee – GARK), f. 26, op. 1, d. 25210, l. 1–3.
16. Асанов Ш. А., Гаркавец А. Н., Усеинов С. М. Крымскотатарско-русский словарь.– Киев: Радянська школа, 1988.– С. 9.
Asanov SH. A., Garkavets A. N., Useinov S. M. Krymskotatarsko-russkij slovar'.– Kiev: Radyans'ka shkola, 1988.– S. 9.
17. Гос. архив Одесской области (далее – ГАОО), ф. 22, оп. 1, д. 1, л. 1–3.
Gos. arhiv Odesskoj oblasti (dalee – GAOO), f. 22, op. 1, d. 1, l. 1–3.
18. Боровский М. П. Исторический очерк пятидесятилетней деятельности императорского Общества сельского хозяйства Южной России с 1828 по 1878 год.– Одесса, 1878.– 275, 76 с.
Borovskij M. P. Istoricheskij ocherk pyatidesyatiletnej deyatel'nosti imperatorskogo Obshchestva sel'skogo hozyajstva YUzhnoj Rossii s 1828 po 1878 god.– Odessa, 1878.– 275, 76 s.
19. ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 19, л. 124.
GAOO, f. 93, op. 1, d. 19, l. 124.
20. Там же, л. 127.
Tam zhe, l. 127.
21. Там же, д. 87, л. 137.
Tam zhe, d. 87, l. 137.
22. Там же, д. 4, л. 44.
Tam zhe, d. 4, l. 44.
23. Архив Русского географического общества, разряд 39, оп. 1, д. 10, л. 19.
Arhiv Russkogo geograficheskogo obshchestva, razryad 39, op. 1, d. 10, l. 19.
24. Там же, л. 19–20.
Tam zhe, l. 19–20.
25. [Редакционная заметка о готовящемся к изданию «Универсальном описании Крыма»] // Новороссийские ведомости.– Одесса, 1870.– 27 марта.
[Redaktsionnaya zametka o gotovyashchemsya k izdaniyu «Universal'nom opisanii Kryma»] // Novorossijskie vedomosti.– Odessa, 1870.– 27 marta.
26. Вакуловский Н. Н. [Рецензия] // Санкт-Петербургские ведомости.– 1873.– 23 сент.– Рец. на кн.: Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма.– Николаев, 1873.– Ч. 1.
Vakulovskij N. N. [Retsenziya] // Sankt-Peterburgskie vedomosti.– 1873.– 23 sent.– Rets. na kn.: Kondaraki V. H. Universal'noe opisaniya Kryma.– Nikolaev, 1873.– CH. 1.
27. Непомнящий А. А. Крымская краеведческая библиография: важные вехи // Библиография.– 2001.– № 4.– С. 75–80.
Nepomnyashchij A. A. Krymskaya kraevedcheskaya bibliografiya: vazhnye vekhi // Bibliografiya.– 2001.– № 4.– S. 75–80.
28. [Вакуловский Н. Н.] [Рецензия] // Новости.– 1877.– 26 февр.– Рец. на кн.: Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма: в 4-х т.– СПб., 1875.
[Vakulovskij N. N.] [Retsenziya] // Novosti.– 1877.– 26 fevr.– Rets. na kn.: Kondaraki V. H. Universal'noe opisanie Kryma: v 4-h t.– SPb., 1875.

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ КРЫМА:
ЭТНОГРАФЫ И ЭКСПЕДИЦИИ (XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

29. ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, д. 1264, л. 18–19.
IRLI, f. 265, op. 2, d. 1264, l. 18–19.
30. Кондараци В. Х. В память столетия Крыма: исторические картины Тавриды.– М., 1883.– С. 3–4.
Kondaraki V. H. V pamyat' stoletiya Kryma: istoricheskie kartiny Tavridy.– М., 1883.– С. 3–4.
31. Российская национальная библиотека, отдел рукописей, ф. 120, оп. 1, д. 800, л. 1.
Rossijskaya natsional'naya biblioteka, otdel rukopisej, f. 120, op. 1, d. 800, l. 1.
32. Центральный исторический архив города Москвы, ф. 459, оп. 2, д. 2889, л. 1.
Tsentral'nyj istoricheskij arhiv goroda Moskvy, f. 459, op. 2, d. 2889, l. 1.
33. ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, д. 1264, л. 16.
IRLI, f. 265, op. 2, d. 1264, l. 16.
34. Извлечение от статутите на царските болгарски ордени и правилник за награждаване с тех.– София, 1924.– С. 11; Борисов В. А. О некоторых вопросах истории наградной системы Болгарии, 1879–1944 // Геральдика: материалы и исследования: сб. науч. тр. / Гос. Эрмитаж.– Л., 1983.– С. 27–46; Frost Z. Y. Die Ritter-und Verdienst-Orden, Ehren Yeichen und Medaillen aller Souveräne und Staaten seit Beginn des XIX Jahrhundertg.– Wien; Leipzig, 1910.– S. 112.
Izvlечение ot statutite na tsarskite bolgarski ordeni i pravil'nik za nagradyavane s teh.– Sofiya, 1924.– S. 11; Borisov V. A. O nekotoryh voprosah istorii nagradnoj sistemy Bolgarii, 1879–1944 // GERAL'dika: materialy i issledovaniya: sb. nauch. tr. / Gos. Ermitazh.– L., 1983.– S. 27–46; Frost Z. Y. Die Ritter-und Verdienst-Orden, Ehren Yeichen und Medaillen aller Souveräne und Staaten seit Beginn des XIX Jahrhundertg.– Wien; Leipzig, 1910.– S. 112.
35. Кондараци В. Х. Новый обстоятельный путеводитель по Крыму.– М., 1885.– III, 160, IV с.
Kondaraki V. H. Novyj obstoyatel'nyj putevoditel' po Krymu.– М., 1885.– III, 160, IV s.
36. Приезжий. Новый путеводитель по Крыму // Севастопольский справочный листок.– 1885.– 2 авг.; [Рецензия] // Новь.– 1885.– № 17, отд. «Мозаика».– С. 317.– Рец. на кн.: Кондараци В. Х. Новый обстоятельный путеводитель по Крыму.– М., 1885.– III, 160, IV с.; [Рецензия] // Крымский вестник.– 1888.– 30 марта.– Рец. на кн.: Кондараци В. Х. Новый обстоятельный путеводитель по Крыму.– М., 1885.– III, 160, IV с.
Priezzhij. Novyj putevoditel' po Krymu // Sevastopol'skij spravochnyj listok.– 1885.– 2 avg.; [Retsenziya] // Nov'.– 1885.– № 17, otd. «Mozaika».– S. 317.– Rets. na kn.: Kondaraki V. H. Novyj obstoyatel'nyj putevoditel' po Krymu.– М., 1885.– III, 160, IV s.; [Retsenziya] // Krymskij vestnik.– 1888.– 30 marta.– Rets. na kn.: Kondaraki V. H. Novyj obstoyatel'nyj putevoditel' po Krymu.– М., 1885.– III, 160, IV s.
37. Коцюбинский С. Д. О сказках крымских татар // Сказки и легенды татар Крыма: фольклорный сборник № 1 / Алушкинский гос. дворец-музей; тексты записаны фольклорной бригадой Алушкинского музея под рук. Я. П. Бирзгала; подг. текста С. Д. Коцюбинский, Н. Л. Эрнст; вступ. ст. С. Д. Коцюбинский; предисл. Я. П. Бирзгал; прим. Н. Л. Эрнст.– Симферополь: госиздат Крымской АССР, 1936.– С. 27.
Kotsyubinskij S. D. O skazkah krymskih tatar // Skazki i legendy tatar Kryma: fol'klornyj sbornik № 1 / Alupkinskij gos. dvorets-muzej; teksty zapisany fol'klornoj brigadoj Alupkinskogo muzeya pod ruk. Ya. P. Birzgal; podg. teksta S. D. Kotsyubinskij, N. L. Ernst; vstup. st. S. D. Kotsyubinskij; predisl. Ya. P. Birzgal; prim. N. L. Ernst.– Simferopol': gosizdat Krymskoj ASSR, 1936.– S. 27.
38. Там же.– С. 30.
Tam zhe.– S. 30.
39. Коцюбинский С. [Д.] Оджа Насреддин и его место в крымском фольклоре // Анекдоты о Ходже Насреддине и Ахмет Ахае: фольклорный сборник № 2 / Алушкинский гос. дворец-музей; подг. текста и вступ. ст. С. Д. Коцюбинский; отв. ред. Я. П. Бирзгал.– Симферополь: госиздат Крым АССР, 1937.– С. 53.
Kotsyubinskij S. [D.] Odzha Nasreddin i ego mesto v krymskom fol'klоре // Anekdoty o Hodzhe Nasreddine i Ahmet Ahae: fol'klornyj sbornik № 2 / Alupkinskij gos. dvorets-muzej; podg. teksta i vstup. st. S. D. Kotsyubinskij; otv. red. YA. P. Birzgal.– Simferopol': gosizdat Krym ASSR, 1937.– S. 53.
40. Там же.
Tam zhe.

41. Библиографический словарь отечественных тюркологов: дооктябрьский период / подг. А. Н. Кононов. – 2-е изд.: перераб. – М.: Наука, 1989. – С. 129-130.
Biobibliograficheskiy slovar' otechestvennyh tyurkologov: dooktyabr'skiy period / podg. A. N. Kononov. – 2-e izd.: pererab. – М.: Nauka, 1989. – S. 129-130.
42. Непомнящий А. А. Подвижник крымского краеведения: Василий Христофорович Кондарак // Историческое наследие Крыма. – 2003. – № 1. – С. 27–43.
Nepomnyashchij A. A. Podvizhnik krymskogo kraevedeniya: Vasilij Hristoforovich Kondaraki // Istoricheskoe nasledie Kryma. – 2003. – № 1. – S. 27–43.
43. Российский этнографический музей, научный архив (далее – РЭМ), ф. 1, оп. 1, д. 6, л. 1–8.
Rossijskij etnograficheskiy muzej, nauchnyj arhiv (dalee – REM), f. 1, op. 1, d. 6, l. 1–8.
44. Там же, л. 2 об.
Tam zhe, l. 2 ob.
45. Там же, л. 5 об.–7 об.
Tam zhe, l. 5 ob.–7 ob.
46. Там же, л. 10.
Tam zhe, l. 10.
47. Непомнящий А. А. Малоизвестные страницы деятельности Русского музея императора Александра III: крымское краеведение // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2016. – Т. 2(68), № 2. – С. 27–38.
Nepomnyashchij A. A. Maloizvestnye stranitsy deyatel'nosti Russkogo muzeja imperatora Aleksandra III: krymovedenie // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernad'skogo. Istoricheskie nauki. – 2016. – T. 2(68), № 2. – S. 27–38.
48. Смирнов И. Несколько слов по вопросу об организации Этнографического отдела Русского музея императора Александра III // Известия имп. Академии наук. – 1901. – Т. 15, № 2. – С. 225.
Smirnov I. Neskol'ko slov po voprosu ob organizatsii Etnograficheskogo otdela Russkogo muzeja imperatora Aleksandra III // Izvestiya imp. Akademii nauk. – 1901. – T. 15, № 2. – S. 225.
49. Там же. – С. 235.
Tam zhe. – S. 235.
50. РЭМ, ф. 1, оп. 1, д. 14, л. 44.
REM, f. 1, op. 1, d. 14, l. 44.
51. Там же, л. 32–33.
Tam zhe, l. 32–33.
52. Васильева Н. Е. Константин Александрович Иностранцев (1876–1941) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XX Годиная научная сессия ЛО ИВ АН СССР: докл. и сообщ., 1985: в 2-х ч. – М.: Наука, 1986. – Ч. 1. – С. 10–15.
Vasil'eva N. E. Konstantin Aleksandrovich Inostrantsev (1876–1941) // Pis'mennye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka: НКН Godichnaya nauchnaya sessiya LO IV AN SSSR: dokl. i soobshch., 1985: v 2-h ch. – М.: Nauka, 1986. – CH. 1. – S. 10–15.
53. Отчет о деятельности Русского музея императора Александра III за 1905 год. – СПб., [Б. г.]. – С. 18–19.
Otchet o deyatel'nosti Russkogo muzeja imperatora Aleksandra III za 1905 god. – SPb., [B. g.]. – S. 18–19.
54. Отчет о деятельности Русского музея императора Александра III за 1906 год. – СПб., [Б. г.]. – С. 23.
Otchet o deyatel'nosti Russkogo muzeja imperatora Aleksandra III za 1906 god. – SPb., [B. g.]. – S. 23.
55. РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 30, л. 5.
REM, f. 1, op. 2, d. 30, l. 5.
56. Крымские татары: каталог коллекций / Гос. музей этнографии народов СССР; сост. Э. Г. Торчинская, Е. Б. Кочетова. – Л., 1989. – С. 8.
Krymskie tataru: katalog kollektzij / Gos. muzej etnografii narodov SSSR; sost. E. G. Torchinskaya, E. B. Kochetova. – L., 1989. – S. 8.
57. Государственный архив Российской Федерации, ф. А-2307, оп. 10, д. 342, л. 33–36; Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 155, оп. 2, д. 212, л. 1–7.
Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federatsii, f. A-2307, op. 10, d. 342, l. 33–36; Sankt-Peterburgskij filial Arhiva RAN, f. 155, op. 2, d. 212, l. 1–7.

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ КРЫМА:
ЭТНОГРАФЫ И ЭКСПЕДИЦИИ (XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

58. РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 30, л. 3–4.
REM, f. 1, op. 2, d. 30, l. 3–4.
59. Там же, л. 4.
Tam zhe, l. 4.
60. Отчет о деятельности Русского музея императора Александра III за 1909 год.– СПб., [Б. г.]– С. 32.
Otchet o deyatelnosti Russkogo muzeya imperatora Aleksandra III za 1909 god.– SPb., [B. g.]– S. 32.
61. Этнографическая выставка музея Александра III // Этнографическое обозрение.– 1909.– № 4.– С. 157.
Etnograficheskaya vystavka muzeya Aleksandra III // Etnograficheskoe obozrenie.– 1909.– № 4.– S. 157.
62. РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 430.
REM, f. 1, op. 2, d. 430.
63. Там же, л. 15.
Tam zhe, l. 15.
64. Там же, л. 3.
Tam zhe, l. 3.
65. Там же, л. 10–11.
Tam zhe, l. 10–11.
66. Там же, л. 15.
Tam zhe, l. 15.
67. Там же, л. 27.
Tam zhe, l. 27.
68. Там же.
Tam zhe.
69. Там же, л. 30.
Tam zhe, l. 30.
70. Там же, л. 27.
Tam zhe, l. 27.
71. Крымские татары: каталог коллекций / Гос. музей этнографии народов СССР; сост. Э. Г. Торчинская, Е. Б. Кочетова.– Л., 1989.– С. 6.
Krymskie tatory: katalog kollektzij / Gos. muzej etnografii narodov SSSR; sost. E. G. Torchinskaya, E. B. Kochetova.– L., 1989.– S. 6.
72. Дубровский М. Жилища крымских татар // По Крыму: сборник 1.– Симферополь, 1914.– С. 1–2; То же.– 2-е изд.– Симферополь, 1914.– 21 с.
Dubrovskij M. Zhilishcha krymskih tatar // Po Krymu: sbornik 1.– Simferopol', 1914.– S. 1–2; To zhe.– 2-e izd.– Simferopol', 1914.– 21 s.
73. РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 243, л. 1–14.
REM, f. 1, op. 2, d. 243, l. 1–14.
74. Там же, д. 402, л. 70–75.
Tam zhe, d. 402, l. 70–75.
75. Непомнящий А. А. Крымоведение и крымоведы в судьбе академика А. Н. Самойловича // Золотоордынская цивилизация: научный ежегодник / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан.– Казань, 2016.– № 9.– С. 163–185.
Nepomnyashchij A. A. Krymovedenie i krymovedy v sud'be akademika A. N. Samojlovicha // Zolotoordynskaya tsivilizatsiya: nauchnyj ezhegodnik / In-t istorii im. SH. Mardzhani AN Respubliki Tatarstan.– Kazan', 2016.– № 9.– S. 163–185.
76. РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 22, л. 1.
REM, f. 1, op. 2, d. 22, l. 1.
77. Крымские татары: каталог коллекций...– С. 9.
Krymskie tatory: katalog kollektzij...– S. 9.
78. РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 785–837.
REM, f. 1, op. 2, d. 785–837.
79. Там же, оп. 1, д. 785, л. 5–6.
Tam zhe, op. 1, d. 785, l. 5–6.

80. Материалы по этнографии России: в 2-х т. / Этнографический отдел Русского музея императора Александра III; под ред. Ф. К. Волкова.– СПб., 1910–1914.

Materialy po etnografii Rossii: v 2-h t. / Etnograficheskiy otdel Russkogo muzeya imperatora Aleksandra III; pod red. F. K. Volkova.– Spb., 1910–1914.

81. Архив Российской академии наук (далее – АРАН), ф. 688, оп. 1, д. 75, л. 1–5; Исторический обзор Лазаревского института восточных языков, составленный по указанию и под руководством их превосходительств Ивана и Христофора Екимовичей Лазаревых.– М., 1914.– XXV, 57 с.

Arhiv Rossijskoj akademii nauk (dalee – ARAN), f. 688, op. 1, d. 75, l. 1–5; Istoricheskiy obzor Lazarevskogo instituta vostochnyh yazykov, sostavlenyj po ukazaniyu i pod rukovodstvom ih prevoskhoditel'stv Ivana i Hristofora Ekimovichej Lazarevyh.– M., 1914.– XXV, 57 s.

82. Непомнящий А. А. Неизвестный Владимир Гордлевский: крымоведческие страницы деятельности // Крымское историческое обозрение.– 2017 № 1.– С. 43–56.

Nepomnyashchij A. A. Neizvestnyj Vladimir Gordlevskij: krymovedcheskie stranitsy deyatel'nosti // Krymskoe istoricheskoe obozrenie.– 2017 № 1.– S. 43–56.

83. Библиография печатных трудов члена-корреспондента АН СССР профессора В. А. Гордлевского: к 70-летию со дня рождения / Московский ин-т востоковедения.– Москва, 1946.– 52 с.; Базиянц А. П. Владимир Александрович Гордлевский.– М.: Наука, 1979.– 80 с.– (Серия: «Русские путешественники и востоковеды»).

Bibliografiya pechatnyh trudov chlena-korrespondenta AN SSSR professora V. A. Gordlevskogo: k 70-letiyu so dnya rozhdeniya / Moskovskij in-t vostokovedeniya.– Moskva, 1946.– 52 s.; Baziyants A. P. Vladimir Aleksandrovich Gordlevskij.– M.: Nauka, 1979.– 80 s.– (Seriya: «Russkie puteshestvenniki i vostokovedy»).

84. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского НАН Украины (далее – ИРНБУВ), ф. 1, оп. 1, д. 25531, л. 1–10.

Institut rukopisi Natsional'noj biblioteki Ukrainy imeni V. I. Vernadskogo NAN Ukrainy (dalee – IRNBUV), f. 1, op. 1, d. 25531, l. 1–10.

85. Бертельс Е. Э. Владимир Александрович Гордлевский // Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию: сб. ст.– М.: Изд-во АН СССР, 1953.– С. 5.

Bertel's E. E. Vladimir Aleksandrovich Gordlevskij // Akademiku Vladimiru Aleksandrovichu Gordlevskomu k ego semidesyatiptiletiju: sb. st.– M.: Izd-vo AN SSSR, 1953.– S. 5.

86. АРАН, ф. 688, оп. 2, д. 1, л. 1–9.

ARAN, f. 688, op. 2, d. 1, l. 1–9.

87. Гордлевский В. А. Из истории османской пословицы и поговорки // Живая старина.– 1909.– Вып. 2/3.– С. 106–124.

Gordlevskij V. A. Iz istorii osmanskoj poslovitsy i pogovorki // Zhivaya starina.– 1909.– Vyp. 2/3.– S. 106–124.

88. Гордлевский В. А. Указатель литературы османской сказки // Живая старина.– 1912.– Вып. 2/4.– С. 538–551. См. также: Михайлов М. С. Об изучении турецкой литературы в отечественной тюркологии // Вопросы языка и литературы стран Востока / Ин-т международных отношений; под ред. Ю. В. Рождественского.– М., 1958.– С. 275–320.

Gordlevskij V. A. Ukazatel' literatury osmanskoj skazki // Zhivaya starina.– 1912.– Vyp. 2/4.– S. 538–551. Sm. takzhe: Mihajlov M. S. Ob izuchenii turetskoj literatury v otechestvennoj tyurkologii // Voprosy yazyka i literatury stran Vostoka / In-t mezhdunarodnyh otnoshenij; pod red. YU. V. Rozhdestvenskogo.– M., 1958.– S. 275–320.

89. Базиянц А. П. Из истории тюркологии в Лазаревском институте // Краткие сообщения Института народов Азии.– М., 1961.– Т. 30.– С. 111.

Baziyants A. P. Iz istorii tyurkologii v Lazarevskom institute // Kratkie soobshcheniya Instituta narodov Azii.– M., 1961.– T. 30.– S. 111.

90. [Гордлевский В. А.] [Рецензия] // Этнографическое обозрение.– 1914.– № 1/2.– С. 244.– Рец. на кн.: Известия Таврической ученой архивной комиссии.– 1913.– № 50.– 316 с.

[Gordlevskij V. A.] [Retsenziya] // Etnograficheskoe obozrenie.– 1914.– № 1/2.– S. 244.– Rets. na kn.: Izvestiya Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii.– 1913.– № 50.– 316 s.

91. Непомнящий А. А. Очерки развития исторического краеведения Крыма в XIX – начале XX века.– Симферополь: Таврида, 1998.– С. 151–154.

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ КРЫМА:
ЭТНОГРАФЫ И ЭКСПЕДИЦИИ (XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

Nepomnyashchij A. A. Ocherki razvitiya istoricheskogo kraevedeniya Kryma v XIX – nachale NKN veka.– Simferopol': Tavrida, 1998.– S. 151–154.

92. Гордлевский В. А. [Рецензия] // Этнографическое обозрение.– Москва, 1915.– Вып. 3/4.– С. 119.– Рец. на кн.: Маркс Н. А. Легенды Крыма: в 3-х вып.– М., 1913.– Вып. 1.– 44 с.; 1914.– Вып. 2.– 63 с.

Gordlevskij V. A. [Retsenziya] // Etnograficheskoe obozrenie.– Moskva, 1915.– Вып. 3/4.– S. 119.– Rets. na kn.: Marks N. A. Legendy Kryma: v 3-h vyp.– M., 1913.– Вып. 1.– 44 s.; 1914.– Вып. 2.– 63 s.

93. Гордлевский В. А. Замечания на «Пословицы крымских татар», изданные П. А. Фалевым, с прим. А. Н. Самойловича // Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества.– 1921.– Т. 25: 1917–1920 годы.– С. 89–132.

Gordlevskij V. A. Zamechaniya na «Poslovitsy krymskih tatar», izdannye P. A. Falevym, s prim. A. N. Samojlovicha // Zapiski Vostochnogo otdeleniya imp. Russkogo arheologicheskogo obshchestva.– 1921.– T. 25: 1917–1920 gody.– S. 89–132.

94. Бороздин И. [Н.] [Рецензия] // Новый Восток.– 1922.– № 1.– С. 406–408.– Рец. на: Записки Восточного отделения Русского археологического общества.– 1921.– Т. 25, вып. 1/4.– 464 с. См. также рукописные замечания Н. К. Дмитриева о фольклорно-этнографических разработках В. А. Гордлевского: АРАН, ф. 1568, оп. 1, д. 39, л. 1–17.

Borozdin I. [N.] [Retsenziya] // Novyj Vostok.– 1922.– № 1.– S. 406–408.– Rets. na: Zapiski Vostochnogo otdeleniya Russkogo arheologicheskogo obshchestva.– 1921.– T. 25, vyp. 1/4.– 464 s. Sm. takzhe rukopisnye zamechaniya N. K. Dmitrieva o fol'klorno-etnograficheskikh razrabotkah V. A. Gordlevskogo: ARAN, f. 1568, op. 1, d. 39, l. 1–17.

95. АРАН, ф. 688, оп. 2, д. 46, л. 1–2; д. 48, л. 1.

ARAN, f. 688, op. 2, d. 46, l. 1–2; d. 48, l. 1.

96. Там же, д. 90.

Tam zhe, d. 90.

97. Menzel T. Russische Arbeiten über turkische litteratur und Folkloristik: Gordlewski, Zavarin, Olesnjicki // Der Islam.– Strasbourg; Berlin, 1913.– Bd. 4.– S. 123–136. См. также: Дмитриев Н. К. Труды русских ученых в области тюркологии // Николай Константинович Дмитриев: к 100-летию со дня рождения / ред. колл. Г. Ф. Благова и др.– М.: Наука, 2001.– С. 166–177; Крачковский И. Ю. Владимир Александрович Гордлевский // Труды Московского института востоковедения.– М., 1947.– Сборник 4.– С. 3–6.

Menzel T. Russische Arbeiten über turkische litteratur und Folkloristik: Gordlewski, Zavarin, Olesnjicki // Der Islam.– Strasbourg; Berlin, 1913.– Bd. 4.– S. 123–136. Sm. takzhe: Dmitriev N. K. Trudy russkih uchenyh v oblasti tyurkologii // Nikolaj Konstantinovich Dmitriev: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya / red. koll. G. F. Blagova i dr.– M.: Nauka, 2001.– S. 166–177; Krachkovskij I. Yu. Vladimir Aleksandrovich Gordlevskij // Trudy Moskovskogo instituta vostokovedeniya.– M., 1947.– Sbornik 4.– S. 3–6.

98. АРАН, ф. 688, оп. 1, д. 90, л. 23–31.

ARAN, f. 688, op. 1, d. 90, l. 23–31.

99. Гордлевский В. Рукописи Восточного музея г. Ялты // Доклады Академии наук СССР.– 1927.– № 10.– С. 219–224.

Gordlevskij V. Rukopisi Vostochnogo muzeya g. Yalty // Doklady Akademii nauk SSSR.– 1927.– № 10.– S. 219–224.

100. Deny J. [Рецензия] // Journal Asiatique.– Paris, 1930.– № 2.– P. 345.– Рец. на кн.: Fekete L. в т.ч. о ст.: Гордлевский В. Рукописи Восточного музея г. Ялты // Доклады Академии наук СССР.– 1927.– № 10.– С. 219–224.

Deny J. [Retsenziya] // Journal Asiatique.– Paris, 1930.– № 2.– P. 345.– Rets. na kn.: Fekete L. v t.ch. o st.: Gordlevskij V. Rukopisi Vostochnogo muzeya g. YAlty // Doklady Akademii nauk SSSR.– 1927.– № 10.– S. 219–224.

101. Гордлевский В. А. Дервиши Ахи Эврانا и цехи в Турции // Известия Академии наук СССР.– 1927.– № 10.– С. 1171–1194.

Gordlevskij V. A. Dervishi Ahi Evrana i tsekhi v Turtsii // Izvestiya Akademii nauk SSSR.– 1927.– № 10.– S. 1171–1194.

102. Гордлевский В. [А.] Ходжа Наср-эд-дин // Анекдоты о Ходже Наср-эд-дине / пер. с турецк., вступ. ст. и комм. В. А. Гордлевского.– М.; Л.: Academia, 1936.– С. IX–XXX.

- Gordlevskij V. [A.] Hodzha Nasr-ed-din // Anekdoty o Hodzhe Nasr-ed-dine / per. s turetsk., vstup. st. i komm. V. A. Gordlevskogo. – М.; L.: Academia, 1936. – S. IX–XXX.
103. Гордлевский В. А. Ходжа Насреддин // Анекдоты о Ходже Насреддине / Пер. с тур. В. А. Гордлевского; предисл. И. Брагинского. – М.: Восточная литература, 1957. – С. 242–258.
- Gordlevskij V. A. Hodzha Nasreddin // Anekdoty o Hodzhe Nasreddine / Per. s tur. V. A. Gordlevskogo; predisl. I. Braginskogo. – М.: Vostochnaya literatura, 1957. – S. 242–258.
104. Непомнящий А. А. Источники для восстановления историко-этнографического корпуса довоенного крымоведения // Крымское историческое обозрение. – 2015. – № 1. – С. 30–57.
- Nepomnyashchij A. A. Istochniki dlya vosstanovleniya istoriko-etnograficheskogo korpusa dovoennogo krymovedeniya // Krymskoe istoricheskoe obozrenie. – 2015. – № 1. – S. 30–57.
105. Центральный исторический архив города Москвы (далее – ЦИАМ), ф. 213, оп. 2, д. 1064, л. 19, 29.
- Tsentrал'nyj istoricheskij arhiv goroda Moskvy (dalee – TSIAM), f. 213, op. 2, d. 1064, l. 19, 29.
106. Там же, л. 11–12.
- Tam zhe, l. 11–12.
107. Олесницкий А. А. Песни крымских турок: текст, перевод и музыка / под ред. и предисл. В. А. Гордлевского // Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. – М., 1910. – Вып. 32. – XII, 150, 10 с.
- Olesnitskij A. A. Pesni krymskih turok: tekst, perevod i muzyka / pod red. i predisl. V. A. Gordlevskogo // Trudy po vostokovedeniyu, izdavaemye Lazarevskim institutom vostochnyh yazykov. – М., 1910. – Вып. 32. – XII, 150, 10 s.
108. Самойлович А. Н. Песнь о крымских событиях // ИТУАК. – Симферополь, 1913. – № 50. – С. 81–98; Menzel T. Russische Arbeiten über türkische litteretur und Folkloristik (Gordlewski, Zavarin, Olesnjicki) // Der Islam. – Strasbourg; Berlin, 1914. – Bd. 4. – S. 136–138; [Schrader F.] [Рецензия] // Osmanischen Lloyd. – [Istanbul]. – 1910. – № 183. – Изд. под псевд.: F. S. – Рец. на кн.: Олесницкий А. Песни крымских турок: текст, перевод и музыка / под ред. и предисл. В. А. Гордлевского. – М., 1910. – XII, 151 с.
- Samojlovich A. N. Pesn' o krymskih sobyitiyah // ITUAK. – Simferopol', 1913. – № 50. – S. 81–98; Menzel T. Russische Arbeiten über türkische litteretur und Folkloristik (Gordlewski, Zavarin, Olesnjicki) // Der Islam. – Strasbourg; Berlin, 1914. – Bd. 4. – S. 136–138; [Schrader F.] [Retsenziya] // Osmanischen Lloyd. – [Istanbul]. – 1910. – № 183. – Izd. pod psevd.: F. S. – Rets. na kn.: Olesnitskij A. Pesni krymskih turok: tekst, perevod i muzyka / pod red. i predisl. V. A. Gordlevskogo. – М., 1910. – XII, 151 s.
109. ИРНЕБУВ, ф. 36, оп. 1, д. 409, л. 1–2.
- IRNBUV, f. 36, op. 1, d. 409, l. 1–2.
110. ЦИАМ, ф. 213, оп. 2, д. 1064, л. 4.
- TSIAM, f. 213, op. 2, d. 1064, l. 4.
111. Там же.
- Tam zhe.
112. Олесницкий А. А. Материалы по изучению крымской народной поэзии. 1) Песня о Сейд-Амете // Восточный сборник. – СПб., 1913. – Кн. 1. – С. 44.
- Olesnitskij A. A. Materialy po izucheniyu krymskoj narodnoj poezii. 1) Pesnya o Sejd-Amete // Vostochnyj sbornik. – SPb., 1913. – Kn. 1. – S. 44.
113. Там же. – С. 44–53.
- Tam zhe. – S. 44–53.
114. Олесницкий А. А. О неисследованном старейшем списке путешествия Антиохийского патриарха Макария 1654 года: из рукописного собрания А. Е. Крымского // Древности восточные: труды Восточной комиссии имп. Московского археологического общества. – Москва, 1913. – Т. 4. – С. 1–14.
- Olesnitskij A. A. O neissledovannom starejshe spiske puteshestviya Antiohijskogo patriarha Makariya 1654 goda: iz rukopisnogo sobraniya A. E. Krymskogo // Drevnosti vostochnye: trudy Vostochnoj komissii imp. Moskovskogo arheologicheskogo obshchestva. – Moskva, 1913. – T. 4. – S. 1–14.
115. Непомнящий А. А. Забутый крымский этнограф О. Олесницкий // Народна творчість та етнографія. – 2007. – № 2. – С. 47–48.

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ КРЫМА:
ЭТНОГРАФЫ И ЭКСПЕДИЦИИ (XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

- Nepomnyashchij A. A. Zabutij krims'kij etnograf O. Olesnits'kij // Narodna tvorčist' ta etnografiya.– 2007.– № 2.– S. 47–48.
116. Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (далее – СПФАРАН), ф. 827, оп. 2, д. 40, л. 3 об.–4.
- Sankt-Peterburgskij filial arhiva Rossijskoj Akademii nauk (dalee – SPFARAN), f. 827, op. 2, d. 40, l. 3 ob.–4.
117. Державин Н. С. Очерки быта южно-русских болгар. 1. Родинные и свадебные обычаи. 2. Поверья // Этнографическое обозрение.– 1898.– № 3.– С. 97–62; № 4.– С. 113–125.
- Derzhavin N. S. Očerki byta yuzhno-russkih bolgar. 1. Rodinnye i svadebnye obyčaji. 2. Pover'ya // Etnograficheskoe obozrenie.– 1898.– № 3.– S. 97–62; № 4.– S. 113–125.
118. Державин Н. У болгар в Таврической губернии: этнографическая заметка // Этнографическое обозрение.– 1900.– № 4.– С. 52–67.
- Derzhavin N. U bolgar v Tavricheskoj gubernii: etnograficheskaya zametka // Etnograficheskoe obozrenie.– 1900.– № 4.– S. 52–67.
119. Голубева О. Д. Державин Николай Севастьянович // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биографический словарь: в 2-х т. – СПб.: Алетейя, 1999.– Т. 2: Российская Публичная библиотека в Ленинграде, 1918–1930.– С. 244.
- Golubeva O. D. Derzhavin Nikolaj Sevast'yanovich // Sotrudniki Rossijskoj natsional'noj biblioteki – deyateli nauki i kul'tury: biograficheskij slovar': v 2-h t.– SPb.: Aletejya, 1999.– T. 2: Rossijskaya Publichnaya biblioteka v Leningrade, 1918–1930.– S. 244.
120. СПФАРАН, ф. 116, оп. 2, д. 103.
- SPFARAN, f. 116, op. 2, d. 103.
121. Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине, 1901–1912: преподаватели и воспитанники.– Нежин, 1913.– 98 с.
- Istoriko-filologicheskij institut knyazyza Bezborodko v Nezhine, 1901–1912: prepodavateli i vospitanniki.– Nezhin, 1913.– 98 s.
122. Державин Н. С. Звуковые особенности говора болгар-переселенцев Бердянского уезда Таврической губернии // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук.– 1902.– Т. 7, кн. 1.– С. 136–152.
- Derzhavin N. S. Zvukovye osobennosti govora bolgar-pereselentsev Berdyanskogo uezda Tavricheskoj gubernii // Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti imp. Akademii nauk.– 1902.– T. 7, kn. 1.– S. 136–152.
123. СПФАРАН, ф. 827, оп. 2, д. 3.
- SPFARAN, f. 827, op. 2, d. 3.
124. Державин Н. Болгарские колонии Новороссийского края: Херсонская и Таврическая губернии // Известия Таврической ученой архивной комиссии.– 1908.– № 41.– С. 1–237.
- Derzhavin N. Bolgarskie kolonii Novorossijskogo kraja: Hersonskaya i Tavricheskaya gubernii // Izvestiya Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii.– 1908.– № 41.– S. 1–237.
125. Niederle L. Puvod a pocatky slovanu jiznich. Slovanske starozitnosti. Dil. 2. Svazl. v Praze, 1906 // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук.– 1908.– Т. 13, кн. 2.– С. 456–464.
- Niederle L. Puvod a pocatky slovanu jiznich. Slovanske starozitnosti. Dil. 2. Svazl. v Praze, 1906 // Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti imp. Akademii nauk.– 1908.– T. 13, kn. 2.– S. 456–464.
126. Берков П. Н. Краткая характеристика научной, педагогической и общественной деятельности [Н. С. Державина] // Материалы к библиографии ученых СССР. Серия литературы и языка. Вып. 1: Николай Севастьянович Державин.– М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.– С. 11.
- Berkov P. N. Kratkaya harakteristika nauchnoj, pedagogicheskoj i obshchestvennoj deyatelnosti [N. S. Derzhavina] // Materialy k biobibliografii uchenyh SSSR. Seriya literatury i yazyka. Vyp. 1: Nikolaj Sevast'yanovich Derzhavin.– M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1949.– S. 11.
127. Державин Н. С. Болгарские колонии Таврической и Херсонской губерний в культурно-этнографическом отношении // Труды тринадцатого Археологического съезда в Екатеринославе, 1905.– М., 1908.– Т. 2.– С. 251–253.

Derzhavin N. S. Bolgarskie kolonii Tavricheskoy i Hersonskoj gubernij v kul'turno-etnograficheskom otnoshenii // Trudy trinadtsatogo Arheologicheskogo s"ezda v Ekaterinoslave, 1905.– М., 1908.– Т. 2.– S. 251–253.

128. Державин Н. С. Предварительный отчет об исследовании болгарских колоний в Новороссийском крае // Труды тринадцатого Археологического съезда в Екатеринославе. 1905.– М., 1908.– Т. 2.– С. 97–99.

Derzhavin N. S. Predvaritel'nyj otchet ob issledovanii bolgarskih kolonij v Novorossijskom krae // Trudy trinadtsatogo Arheologicheskogo s"ezda v Ekaterinoslave. 1905.– М., 1908.– Т. 2.– С. 97–99.

129. Асафьева Н. М. Библиография трудов [Н. С. Державина] // Материалы к библиографии ученых СССР. Сер. литературы и языка. Вып. 1: Николай Севастьянович Державин.– М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.– С. 25–70.

Asaf'eva N. M. Bibliografiya trudov [N. S. Derzhavina] // Materialy k biobibliografii uchenyh SSSR. Ser. literatury i yazyka. Вып. 1: Nikolaj Sevast'yanovich Derzhavin.– М.; Л.: Izd-vo AN SSSR, 1949.– С. 25–70.

130. Державин Н. С. Отчет о летней командировке в 1911 г. в Таврическую губернию для изучения болгарских говоров // Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук на 1911 год.– СПб., 1911.– С. 24–32; Его же. Отчет о командировке в Херсонскую и Таврическую губернии летом 1912 г. // Там же... за 1912 год.– СПб., 1912.– С. 64–65.

Derzhavin N. S. Otchet o letnej komandirovke v 1911 g. v Tavricheskuyu guberniyu dlya izucheniya bolgarskih govorov // Otchet o deyatelnosti Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti imperatorskoj Akademii nauk na 1911 god.– SPb., 1911.– S. 24–32; Ego zhe. Otchet o komandirovke v Hersonskuyu i Tavricheskuyu gubernii letom 1912 g. // Tam zhe... za 1912 god.– SPb., 1912.– S. 64–65.

131. Державин Н. С. О болгарях и болгарском переселении в Россию: краткий исторический очерк для народного чтения.– Бердянск; Кочеров, 1912.– 31 с.

Derzhavin N. S. O bolgarah i bolgarskom pereselenii v Rossiyu: kratkij istoricheskij ocherk dlya narodnogo chteniya.– Berdyansk; Kocherov, 1912.– 31 s.

132. СПФАРАН, ф. 827, оп. 1, д. 125.

SPFARAN, f. 827, op. 1, d. 125.

133. Там же, д. 580.

Tam zhe, d. 580.

134. Маргиненко Л. О. Ніжинський період у житті професора О. Ф. Музиченка // Наукові записки. Психолого-педагогічні науки / Ніжинський держ. пед. ун-т ім. Миколи Гоголя.– Ніжин, 2000.– С. 171.

Martinenko L. O. Nizhins'kij period u zhitti profesora O. F. Muzichenka // Naukovi zapiski. Psihologo-pedagogichni nauki / Nizhins'kij derzh. ped. un-t im. Mikoli Gogolya.– Nizhin, 2000.– S. 171.

135. Музыченко А. Ф. Быт болгар-поселенцев Феодосийского уезда // Этнографическое обозрение.– 1899.– № 4.– С. 37.

Muzychenko A. F. Byt bolgar-poselentsev Feodosijskogo uезда // Etnograficheskoe obozrenie.– 1899.– № 4.– S. 37.

136. Дринов М. С. Этнографические наблюдения А. Ф. Музыченко над болгарскими колонистами Феодосийского уезда // Записки имп. Харьковского университета.– Харьков, 1902.– № 7.– С. 1–7.

Drinov M. S. Etnograficheskie nablyudeniya A. F. Muzychenko nad bolgarskimi kolonistami Feodosijskogo uезда // Zapiski imp. Har'kovskogo universiteta.– Har'kov, 1902.– № 7.– S. 1–7.

137. Непомнящий А. А. К истории этнографических исследований в Крыму: А. Ф. Музыченко // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. История.– 2003.– Т. 16(55), № 1.– С. 30–37.

Nepomnyashchij A. A. K istorii etnograficheskikh issledovanij v Krymu: A. F. Muzychenko // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoriya.– 2003.– T. 16(55), № 1.– S. 30–37.

138. Отдел Гос. архива Черниговской области в городе Нежине (далее – ОГАЧОН), ф. 1105, оп. 1, д. 1482, л. 75 об.

Otdel Gos. arhiva Chernigovskoj oblasti v gorode Nezhine (dalee – OGACHON), f. 1105, op. 1, d. 1482, l. 75 ob.

139. Там же, л. 77 об.–78.

Tam zhe, l. 77 ob.–78.

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ КРЫМА:
ЭТНОГРАФЫ И ЭКСПЕДИЦИИ (XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

140. Музыченко А. Ф. Наблюдения над народным творчеством крымских болгар // Труды двенадцатого Археологического съезда в Харькове, 1902.– Москва, 1905.– Т. 2.– С. 446–460; Т. 3.– С. 350–351.
- Muzychenko A. F. Nablyudeniya nad narodnym tvorchestvom krymskih bolgar // Trudy dvenadtsatogo Arheologicheskogo s"ezda v Har'kove, 1902.– Moskva, 1905.– Т. 2.– С. 446–460; Т. 3.– С. 350–351.
141. Непомнящий А. А. Крымоведческие исследования на всероссийских Археологических съездах (вторая половина XIX – начало XX века) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины.– Симферополь, 2002.– Вып. 9.– С. 579–590.
- Nepomnyashchij A. A. Krymovedcheskie issledovaniya na vsrossijskih Arheologicheskikh s"ezdakh (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii / Krymskoe отд. In-ta vostokovedeniya im. A. E. Krymskogo NAN Ukrainy.– Simferopol', 2002.– Вып. 9.– С. 579–590.
142. Музыченко А. Рождение и первые годы детства у болгар // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества.– 1903.– № 3, декабрь.– С. 18–27; 1904.– № 4, январь.– С. 14–24.
- Muzychenko A. Rozhdenie i pervye gody detstva u bolgar // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva.– 1903.– № 3, dekabr'.– S. 18–27; 1904.– № 4, yanvar'.– S. 14–24.
143. Музыченко А. Ф. История поселения и фонетические особенности говора крымских болгар: памяти профессора Марина Степановича Дринова // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук.– 1907.– Т. 12, кн. 2.– С. 72–139.
- Muzychenko A. F. Istoriya poseleniya i foneticheskie osobennosti govora krymskih bolgar: pamyati professora Marina Stepanovicha Drinova // Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti imp. Akademii nauk.– 1907.– Т. 12, kn. 2.– С. 72–139.
144. Сперанский М. Н. Н. Н. Харузин // Сборник Историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине.– 1900.– Т. 3.– С. 122.
- Speranskij M. N. N. N. Haruzin // Sbornik Istoriko-filologicheskogo obshchestva pri Institute knyazyza Bezborodko v Nezhine.– 1900.– Т. 3.– С. 122.
145. Керимова М. М. Семья этнографов Харузиных и их эпистолярное наследие // Этнографическое обозрение.– 2003.– № 4.– С. 92.
- Kerimova M. M. Sem'ya etnografov Haruzinyh i ih epistol'yarnoe nasledie // Etnograficheskoe obozrenie.– 2003.– № 4.– С. 92.
146. Анучин Д. Николай Николаевич Харузин: некролог // Землеведение.– 1900.– Кн. 1.– С. 108.
- Anuchin D. Nikolaj Nikolaevich Haruzin: nekrolog // Zemlevedenie.– 1900.– Кн. 1.– С. 108.
147. СПФАРАН, ф. 849, оп. 1, д. 763, л. 1.
- SPFARAN, f. 849, op. 1, d. 763, l. 1.
148. Довнар-Запольский М. В. † Н. Н. Харузин: некролог // Древности: труды Археологической комиссии имп. Московского археологического общества / Под ред. М. В. Довнар-Запольского.– М., 1900.– Т. 2, вып. 1.– Стб. 189; Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков, 1872–1902: памятная книжка, изданная на средства почетного попечителя Лазаревского института С. С. Абамемелек-Лазарева.– М., 1903.– С. 116.
- Dovnar-Zapol'skij M. V. † N. N. Haruzin: nekrolog // Drevnosti: trudy Arheograficheskoi komissii imp. Moskovskogo arheologicheskogo obshchestva / Pod red. M. V. Dovnar-Zapol'skogo.– М., 1900.– Т. 2, vyp. 1.– Stb. 189; Tridsatiletie spetsial'nyh klassov Lazarevskogo instituta vostochnyh yazykov, 1872–1902: pamyatnaya knizhka, izdannaya na sredstva pochetnogo popechitya Lazarevskogo instituta S. S. Abamemelek-Lazareva.– М., 1903.– С. 116.
149. Миллер В. [Ф.] Николай Николаевич Харузин // Этнографическое обозрение.– 1900.– № 2.– С. 3.
- Miller V. [F.] Nikolaj Nikolaevich Haruzin // Etnograficheskoe obozrenie.– 1900.– № 2.– С. 3.
150. Миллер В. [Ф.] Библиографический перечень печатных трудов Н. Н. Харузина // Этнографическое обозрение.– 1900.– № 2.– С. 12–14.
- Miller V. [F.] Bibliograficheskij perechen' pechatnyh trudov N. N. Haruzina // Etnograficheskoe obozrenie.– 1900.– № 2.– С. 12–14.

151. [Харузин М. Н.] Археологические разведки в Алуште и ее окрестностях // Севастопольский листок. – 1886. – № 72. – 20 июня; № 73. – 22 июня; № 74. – 25 июня; № 76. – 29 июня; № 77. – 2 июля.
[Haruzin M. N.] Arheologicheskie razvedki v Alushte i ee okrestnostyah // Sevastopol'skij listok. – 1886. – № 72. – 20 iyunya; № 73. – 22 iyunya; № 74. – 25 iyunya; № 76. – 29 iyunya; № 77. – 2 iyulya.
152. Миллер В. [Ф.] Николай Николаевич Харузин... – С. 4.
Miller V. [F.] Nikolaj Nikolaevich Haruzin... – S. 4.
153. Харузин Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России // Этнографическое обозрение. – 1896. – Кн. 28, № 1. – С. 1–53; 1897. – Кн. 29/30, № 2/3. – С. 1–71; То же. – М., 1896. – IV, 124 с.
Haruzin N. Istoriya razvitiya zhilishcha u kochevyh i polukochevyh tyurkskih i mongol'skih narodnostej Rossii // Etnograficheskoe obozrenie. – 1896. – Kn. 28, № 1. – S. 1–53; 1897. – Kn. 29/30, № 2/3. – S. 1–71; To zhe. – M., 1896. – IV, 124 s.
154. Керимова М. М., Наумова О. Б. Алексей Николаевич Харузин – этнограф и антрополог // Репрессированные этнографы. Вып. 1 / сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. – 2-е изд. – М.: Восточная литература, 2002. – С. 165–166.
Kerimova M. M., Naumova O. B. Aleksej Nikolaevich Haruzin – etnograf i antropolog // Repressirovannye etnografy. Vyp. 1 / sost. i отв. red. D. D. Tumarkin. – 2-e izd. – M.: Vostochnaya literatura, 2002. – S. 165–166.
155. [Богданов А.] Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1888), собранные Анатолием Богдановым, председателем Зоологического отделения Общества. Т. 3 // Известия имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при имп. Московском университете. – 1891. – Т. 70. – Л. 32, табл. 35; Императорское Московское археологическое общество в первое десятилетие его существования (1864–1914 гг.) / под ред. П. С. Уваровой, И. Н. Бороздина: в 2-х т. – М., 1915. – Т. 2. – С. 387.
[Bogdanov A.] Materialy dlya istorii nauchnoj i prikladnoj deyatelnosti v Rossii po zoologii i soprikasayushchimsya s neyu otraslyam znaniya, preimushchestvenno za poslednee tridsatipyatiletie (1850–1888), sobrannye Anatolijem Bogdanovym, predsedatelem Zoologicheskogo otdeleniya Obshchestva. T. 3 // Izvestiya imp. Obshchestva lyubitelej estestvoznaniya, antropologii i etnografii, sostoyashchego pri imp. Moskovskom universitete. – 1891. – T. 70. – L. 32, tabl. 35; Imperatorskoe Moskovskoe arheologicheskoe obshchestvo v pervoe desyatiletie ego sushchestvovaniya (1864–1914 gg.) / pod red. P. S. Uvarovoj, I. N. Borozhdina: v 2-h t. – M., 1915. – T. 2. – S. 387.
156. Харузин А. Н. Заметки о татарах Южного берега Крыма // Известия имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при имп. Московском университете. – 1890. – Т. 68: Дневник Антропологического отдела, вып. 2. – Стб. 59–62.
Haruzin A. N. Zametki o tatarah YUzhnogo berega Kryma // Izvestiya imp. Obshchestva lyubitelej estestvoznaniya, antropologii i etnografii, sostoyashchego pri imp. Moskovskom universitete. – 1890. – T. 68: Dnevnik Antropologicheskogo otdela, vyp. 2. – Stb. 59–62.
157. Харузин А. Н. О росте татар Южного берега Крыма // Известия имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящем при имп. Московском университете. – 1890. – Т. 68: Дневник Антропологического отдела, вып. 3. – Стб. 80–87.
Haruzin A. N. O roste tatar Yuzhnogo berega Kryma // Izvestiya imp. Obshchestva lyubitelej estestvoznaniya, antropologii i etnografii, sostoyashchem pri imp. Moskovskom universitete. – 1890. – T. 68: Dnevnik Antropologicheskogo otdela, vyp. 3. – Stb. 80–87.
158. Харузин А. Н. Татары Гурзуфа // Известия имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящем при имп. Московском университете. – 1890. – Т. 68: Дневник Антропологического отдела, вып. 7. – Стб. 249–270; Вып. 8. – Стб. 303–322.
Haruzin A. N. Tatory Gurzufa // Izvestiya imp. Obshchestva lyubitelej estestvoznaniya, antropologii i etnografii, sostoyashchem pri imp. Moskovskom universitete. – 1890. – T. 68: Dnevnik Antropologicheskogo otdela, vyp. 7. – Stb. 249–270; Vyp. 8. – Stb. 303–322.
159. Харузин А. Н. Древние могилы Гурзуфа и Гугуша: на Южном берегу Крыма // Известия имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящем при имп. Московском университете. – 1890. – Т. 64: Труды Антропологического отдела, т. 11, вып. 1. – Стб. 1–102 с.

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ КРЫМА:
ЭТНОГРАФЫ И ЭКСПЕДИЦИИ (XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

Haruzin A. N. Drevnie mogily Gurzufa i Gugusha: na Yuzhnom beregu Kryma // Izvestiya imp. Obshchestva lyubitelej estestvoznaniya, antropologii i etnografii, sostoyashchem pri imp. Moskovskom universitete.– 1890.– Т. 64: Trudy Antropologicheskogo otdela, t. 11, vyp. 1.– Stb. 1–102 s.

160. [Рецензия] // Русский вестник.– 1891.– № 6.– С. 304–306.– Рец. на кн.: Харузин А. Н. Древние могилы Гурзуфа и Гугуша.– М., 1891.– 103 с.

[Retsenziya] // Russkij vestnik.– 1891.– № 6.– S. 304–306.– Rets. na kn.: Haruzin A. N. Drevnie mogily Gurzufa i Gugusha.– М., 1891.– 103 s.

Nepomnyashchy A. A. Formation and development of the historiography of history of the Crimea: ethnographers and expeditions (the XIX century – the beginning of the XX century)

This article continues the historical sketch published in the 2nd journal number for the current year. Issues of ethnographic studying of the people of the Crimean peninsula throughout the XIX century– the first third of the XX century were actively developed by researchers who as independently, and, working according to the programs outlined by various scientific institutions collected also the analysis of various ethnographic information. At the first stage ethnographers-scientific collectors (V. H. Kondaraki, N. A. Marx, etc.) did a great job on collecting folklore, records of traditions and household sketches of various Crimean people. The role in these ethnographic developments of the Russian Museum of the emperor Alexander III and the Lazarev Institute of Oriental Languages is also considerable. Preparation not only the generalizing popular ethnographic reviews of the people of the peninsula became a result of efforts of researchers of the Crimea of various scientific level during the pre-Soviet period. But also and separate practices on thorough studying of folklore, phonetics, features of a dialect, clothes, the dwelling. They made also considerable photofixation of anthropological features of people of various nationalities, clothes, dwellings, household objects. As a result, were collected by researchers and substantial ethnographic collections about the Crimean Tatars, Karaites, Roma were exhibited at the central museums. Only a part of this rich heritage postponed today in funds of the museums and personal archives of scientists is introduced for scientific use and is used nowadays.

Keywords: historiography, Crimean studies, ethnography, P. N. Beketov, V. A. Gordlevsky, N. S. Derzhavin, V. H. Kondaraki, A. F. Muzychenko, A. A. Olesnitsky.